

© 2011 г. М.Вас. ПИМЕНОВА

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ФОРМАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ АСИММЕТРИИ

В статье на материале русской лексики анализируются факты семантического синкретизма, представляющие собой проявление формально-содержательной языковой асимметрии. Узуальные случаи «неразрешимого» синкретизма, составляющие, по мнению автора, особую лексико-семантическую категорию – *синкретсемию*, отграничиваются, с одной стороны, от совмещения двух значений многозначного слова, с другой стороны, от «неоднозначности» одного значения.

*«...если мы хотим изучать жизнь, – а язык есть кусочек жизни людей,
– то это не может быть просто и схематично»*
Л.В. Щерба [Щерба 1957: 83]

1. ВВЕДЕНИЕ

Статья посвящена одному из ингерентных свойств языка – *с и н к р е т и з м у*, имеющему predeterminedную нерасчлененностью мировосприятия объективную природу, объясняющуюся «...физиологическим синкретизмом и ассоциацией наших чувственных восприятий, в которой, при нашей привычке к аналитическому мышлению, мы обыкновенно не даем себе отчета» [Веселовский 1913: 63–64]. Нашей целью является экспликация и систематизация фактов семантического синкретизма (они представляют собой результат отступлений от взаимоднозначных отношений между формой и содержанием) на материале русской лексики, что может послужить основой для дальнейшего изучения особенностей, причин и механизмов данного конституирующего языкового явления.

Прежде всего следует отметить, что термин «*с и н к р е т и з м*» (от греч. συνκρητισμός «соединение, объединение, связывание») традиционно используется в различных гуманитарных науках, имея в каждой из них свою дефиницию. Так, например, в философии под синкретизмом понимают, во-первых, разновидность эклектики [БСЭ 1976: 421], во-вторых, дофилософские формы сознания, отличающиеся «слиянием» философии, мифа, религии и художественного творчества [Кессиди 1972]. В психологии данным термином указывают на особенность детского мышления и восприятия (П.П. Блонский, Л.С. Выготский, Э. Клапаред, Ж. Пиаже), predeterminedную тенденцией «связывать между собой разнородные явления без достаточного внутреннего основания» [БПС 2004: 509]. В исторической науке синкретизм трактуют как «смешение» в средневековом сознании метафизического (мыслимого) и реального (чувственно воспринимаемого) мира [Карсавин 1915]. В культурологии его связывают с искусством «на первоначальных стадиях человеческой культуры, когда музыка, пение, поэзия, танец не были отделены друг от друга» [Кравченко 2000: 529–530]. В религиоведении синкретизм рассматривают как «механическое слияние различных культов» [Мень 1993: 611]. В социологии этим термином обозначают «соединение различных элементов из различных социальных систем в новую структуру» [Ребер 2000: 249]. В литературоведении на понятии «первобытного синкретизма» строят «раз-

личные теории происхождения поэзии, ее разных родов и видов» (А.Н. Веселовский, Г. Спенсер, В. Шерер и др.) [ЛЭТиП 2001: 988] и т.д.

Обобщая имеющиеся дефиниции, следует отметить, что все они могут быть сведены к двум основным значениям термина «синкретизм»: 1) смешение/слияние первоначально независимых друг от друга явлений/разнородных элементов; 2) искомая нерасчлененность, характеризующая неразвитое состояние какого-либо явления.

В лингвистических терминологических и энциклопедических словарях данный термин толкуется в рамках первого из указанных значений, причем преимущественно по отношению к синхронному грамматическому уровню языка [Ахманова 1966: 406; Бабайцева 1990: 446]. Второе значение («исконная нерасчлененность...») у обсуждаемого термина в лингвистических словарях не фиксируется, хотя терминологическое словосочетание «семантический синкретизм» довольно часто используется в работах историков языка^{1,2} и связывается с «...отражающей некий пережиточный этап мышления» языковой архаикой [Макаров 1978: 106].

То, что в лингвистических словарях синкретизм характеризуется как феномен, проявляющийся преимущественно на синхронном грамматическом уровне языка, свидетельствует об относительно хорошей изученности данных случаев в языкознании. Так, начиная с работ Н.Н. Дурново (1922 г.), Р.О. Jakobson (1936 г.), Н.С. Трубецкого (1937 г.) детально представлены виды падежного синкретизма в славянских языках (например, совпадение в русском склонении существительных формы винительного падежа с родительным или именительным в зависимости от одушевленности (например, *нет лошадей, купил лошадей; нет книги, не вижу книги*) [Jakobson 1936/1985: 150, 169]; неразличение творительного падежа единственного числа с винительным падежом единственного числа у всех прилагательных и существительных с основой на *-ija-* в чешском языке - *dobrou, první, paní* [Trubetzkoy 1937/1987: 216–217] и под.).

Известный датский ученый Л. Ельмслев в работах «Пролегомены к теории языка» и «Можно ли считать, что значения слов образуют структуру?» обращает внимание на синкретизм номинатива и аккузатива среднего рода в латинском и немецком языках [Hjelmslev 1943/1960: 344; 1958/1962: 126]. Один из виднейших представителей французского структурализма А. Мартине указывает на «синкретизм форм латинского датива и аблатива в соединении с показателями мн. числа, на синкретизм форм латинского им. и род. падежей для всех существительных среднего рода; во французском языке имеется синкретизм форм сослагательного + изъявительного наклонений в ед. числе и 3-м лице мн. числа глаголов первой группы (за единичным исключением)» [Martinet 1968/1969: 102]. Подобный языковой факт фиксирует и французский лингвист М. Мамудян – «латинское слово *animalia* ‘животные’ является результатом синкретизма монемы “винительный падеж, множественное число” и монемы “именительный падеж, множественное число”» [Mahmoudian 1982/1985: 99].

П.М. Аркадьев отмечает, что современными зарубежными исследователями (Г. Стамп [Stump 2001]; Г. Мюллер, Д. Вундерлих [Müller et al. 2004]; М. Баерман, Д. Браун, Г.Г. Корбет [Baerman et al. 2005]; рец. см. в [Аркадьев 2004; 2006а; 2006б]) проанализированы «все отмеченные в языках мира типы синкретизма граммем различных грамматических категорий (падежа, числа, лица, видо-временных и модальных категорий)», то есть весь обширный корпус проявлений морфологического синкретизма [Аркадьев 2006а: 125], ср. [Гемплер 2009].

¹ Наиболее последовательно – в трудах лингвистов Ленинградской/Петербургской школы (Б.А. Ларин, В.В. Колесов, О.А. Черепанова, С.А. Аверина, Д.Г. Демидов, Е.И. Зиновьева, Б.В. Кунавин, В.Д. Петрова, О.А. Радутная и др.).

² Подробнее о предопределенной особенностями мировосприятия человека объективной природе семантического синкретизма, его наиболее ранних проявлениях и трансформации в связи со сменой концептуальных форм русской ментальности см. в [М.Вас. Пименова 2007: 34–44].

В отечественном языкознании наиболее изученными, пожалуй, являются случаи синкретизма на синтаксическом языковом уровне, что находит, например, отражение в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, в котором особо выделен единственный вид синкретизма – синтаксический синкретизм³ (подробнее о синтаксическом синкретизме см. в [Овсянко-Куликовский 1912; Пешковский 1935; Виноградов 1947; 1955/1975; Бабайцева 1967; 1990; 2000; Фурашов 1974; 1984; 2004; Чеснокова 1996; Чесноков 2001]); только этот вид синкретизма включен как в вузовскую, так и в школьную практику преподавания русского языка.

В диахронии грамматический синкретизм пока еще не разработан в достаточной мере (см. об этом [Баранов 2003; 2006]), хотя ученые неоднократно обращали внимание на древнюю семантическую недифференцированность формальных средств языка – синкретизм имен [Жирмунский 1946]; нерасчлененность видо-временных форм глагола; аналитизм древних союзов [Якубинский 1953: 210–211, 229–240, 254–265]; недифференцированность «...синтаксических отношений древнейшего периода» [Коротасева 1964: 239]; «полифункциональность» частиц [Ларин 1975: 44–45] и под. (см. также [Потебня 1899/1968: 15, 59–67, 251; Кубрякова 1978; Радутная 1988; Тарланов 2005: 236]).

Напротив, лексико-семантический синкретизм древнего слова «достаточно хорошо изучен» [Баранов 2006: 429]⁴ и определяется исследователями следующим образом: «двойственность субстанций», то есть слитность предметного и качественного значений [Потебня 1899/1968: 65–66]; единство «полярных значений» [Ларин 1977: 20]; «нерасчлененность древнего значения» [Ковтун 1971: 85]; сосуществование двух значений в корне [Трубачев 1976: 167]; единство значений архаичного многозначного слова, косвенно засвидетельствованное «материалами детского мышления» [Кацнельсон 2001: 368]; слово-синкрета, «представленное как образ и воплощенное в символе (языковом знаке)» [Колесов 1991: 43] и под. (см. также [Афанасьев 1865/1944: 15; Смирнова 1976: 8; Феокистова 1984: 182; Маркова 1993: 60–61; Лопутько 2001: 173])⁵.

Обобщая наблюдения лингвистов, можно предположить, что некоторые (или даже многие?)⁶ первоначальные значения и формы слов (э т и м о н ы) отличает изначальная семантическая нерасчлененность, косвенно подтверждаемая существованием теории и практики так называемой «множественной этимологии», допускающей «одновременное существование нескольких (иногда – многих) семасиологических связей в истории того или иного значения» [Маковский 1996: 6; 2009]. Например, этимон и.-с. отглагольного имени **krasa* восходит, по мнению О.Н. Трубачева, одновременно к двум праславянским глаголам: **krēsiti* 'оживлять, освежать; воскрешать' и **kresati* 'высекать искру, создавать огонь' [ЭССЯ 12: 95–97]. В соответствии с предложенной этимологией *krasa* ассоциируется с положительными признаками, связанными с природной таксономией дискретных объектов (жизнь, ее возобновление и поддержание), символизируя в славянской народной поэзии огонь, красоту, молодость, цветение, весну, веселье,

³ «Синтаксический синкретизм, *англ.* syntactic syncretism. Синтаксическая двусмысленность, возникающая вследствие формального неразличения разных синтаксических категорий» [Ахманова 1966: 410].

⁴ Однако, на наш взгляд, пока еще преждевременно говорить о том, что «в науке выработан достаточно точный, адекватный материалу метод интерпретации смысла древнего текста и его составляющих» [Там же].

⁵ С определенной долей условности к исследованиям лексико-семантического синкретизма можно отнести и работы, выполненные в русле неоднозначно понимаемой яфетической теории (или «нового учения о языке») Н.Я. Марра (20–30-е гг. XX в.), в соответствии с которой словарный состав всех языков мира возник из четырех диффузных звуковых комплексов *САЛ*, *БЕР*, *ЙОН*, *РОШ* [Марр 1924/2002], см. также о первичной диффузности слова и законе непрерывной синкретичности значения в [Кезина 2005].

⁶ Несмотря на утверждение Б.А. Ларина, что подобных единиц «...конечно, не может быть много» [Ларин 1977: 20].

свежесть и подобные проявления жизни [Потебня 1914: 35–36] (примеры «множественной этимологии» см. также в [Маковский 1996; 2009; Левицкий 2006: 350–372; Пименова М.Вас. 2007: 213–214, 229, 256–257]).

Итальянский ученый Р. Пиккио говорит о «двуслойности», «двуплановости» древнерусского текста, вводя понятие «с и н с е м и я» (соотношение между историческим и духовным уровнем древнего произведения) и «с и н с е м и ч е с к а я к о м б и н а ц и я с л о в», при которой «слова, заимствованные из Библии и других священных текстов, вписывались в новый контекст, не теряя своих исходных черт. Они могли читаться как отсылки к Писанию и в то же время как составляющие независимого сообщения» (например, в «Сказании о Борисе и Глебе»: «Глеб есть побег (ветвь) виноградной лозы»; в Евангелии от Иоанна говорится, что Иисус отождествлял себя с виноградной лозой) [Пиккио 2003: 484].

Что касается существования лексико-семантического синкретизма в с и н х р о н и и, то для современного языка данная проблема остается недостаточно разработанной и даже в полной мере не поставленной, несмотря на абсолютно справедливое замечание В.В. Бабайцевой о том, что синкретизм «свойствен всем уровням языка и речи» [Бабайцева 1990: 446], а также на понимание слова как синкретичного феномена в русской философии языка (С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский)⁷ и многочисленные высказывания лингвистов по поводу существования «несимметричных» и не укладывающихся в традиционные «дискретные» рамки «промежуточных» явлений (Ю.Д. Апресян, У. Вейнрейх, М.В. Никитин, А. Рудскогер, Г. Стерн, С. Ульманн, Д.Н. Шмелев, К.О. Эрдман и др.)⁸.

Недостаточная изученность лексико-семантического синкретизма в синхронии предопределена имплицитно присутствующим в семасиологических исследованиях и лексикографических изданиях априорным представлением о дискретной и симметричной организации лексических значений. Аксиоматичность этого представления зиждется, как мы полагаем, на одной из идей Ф. де Соссюра о параллельности (симметричности) между рядами единиц двустороннего языкового знака – понятием (о з н а ч а е м ы м) и акустическим образом (о з н а ч а ю щ и м). Как известно, ученый сравнивал язык с листом бумаги: «Мысль – его [языка. – М. П.] лицевая сторона, а звук – оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав и оборотную. Так в языке нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли...» [Saussure 1931/1977: 145]⁹.

⁷ «В этой синкретичности все как бы ввинчено одно в другое и предстает в единстве логики (объект), психологии (субъект) мышления и собственно языковых категорий как ее формы» [Колесов 2007: 247].

⁸ Ср.: «В обычных условиях речевого общения выделяемые значения не полностью и безусловно отграничены друг от друга и замкнуты в каком-то “автономном” семантическом круге» [Шмелев 1964: 86–87]; «...семантические компоненты ... могут и не быть полностью дискретными, хотя каноническая формула предполагает их дискретность» [Вейнрейх 1970: 217–219]; «...лексикограф при выделении разных значений одного слова часто принимает произвольные решения. Во многих случаях нельзя обнаружить четкой границы между этими значениями; многие наши понятия имеют, как выразился Витгенштейн, “размытые края” (blurred edges)» [Ульманн 1970: 268]; «...меру дискретности значений при их описании в толковом словаре обычно сильно преувеличивают и видят четкие границы там, где фактически, при ориентации на реальное разнообразие текстов, обнаруживается неясная, размытая промежуточная область» [Апресян 1974: 179] и под.

⁹ «Сдвиг» параллельных отношений между означающим и означаемым наблюдается, с точки зрения Соссюра, только в д и а х р о н и и (например, между латинским словом *pecāre* ‘убивать’ и французским *noyer* ‘топить (в воде)’; древневерхненемецким *dritteil* ‘треть’ и современным немецким *Drittel* (утратившим связь со словом *Teil* ‘часть’); англосаксонскими формами *fōt* ‘нога’, *fōti* ‘ноги’ и современными английскими *foot*, *feet* в том же значении [Saussure 1931/1977: 108], см. также об этом [Мельников 1971: 55].

2. ФОРМАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ

Как известно, уже ближайшие коллеги Ф. де Соссюра по Женевскому университету сомневались в непререкаемой истинности его тезиса о существовании в синхронии параллелизма между рядами означающих и означаемых, а их сомнения аккумулировались в ставшей классической статье «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» С.О. Карцевского – ученого, близкого к Женевской языковедческой школе [Karcevskij 1929/1965]. С.О. Карцевский, говоря о свойстве непараллельности двух сторон знака, о расхождении между означающими и означаемыми, указывает на то, что «знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками...» [Там же: 85]. Соглашались с С.О. Карцевским его коллеги по Пражскому лингвистическому кружку: В. Скаличка, полагающий, что «форма и значение или, скорее, формальная и смысловая основа знака не всегда симметричны» [Skalička 1935/1967: 121], и Р. Якобсон, оценивающий асимметрию «как фундаментальный фактор системы языка» [Jakobson 1936/1985: 169].

Наиболее известный ученый Женевской школы Ш. Балли, указывая на случаи нелинейности, или д и с т а к с и и, которые «мы наблюдаем там, где знаки не просто следуют друг за другом, а, например, когда одно означающее содержит в себе несколько означаемых... или когда одно означаемое представлено несколькими означающими», подчеркивает, что «несоответствие между означаемыми и означающими является правилом» [Bally 1932/1955: 159–160]. Ш. Балли отмечает следующие типы нелинейности: ф р а к ц и о н и р о в а н н ы й з н а к (агглютинация) – «распределение одного означаемого между несколькими псевдоозначающими, которые имеют смысл только в их совокупности» [Там же: 161]; противоположное явление – с о в м е щ е н и е о з н а ч а е м ы х, когда одно неразложимое означающее охватывает несколько значений; г р а м м а т и ч е с к и й п л е о н а з м, при котором одно и то же понятие выражается в одной и той же синтагме несколько раз; п о д р а з у м е в а е м ы й з н а к – восстанавливаемый без помощи речи по ассоциации с другим лингвистическим типом, где этот знак имеет эксплицитную форму и такое же значение; н у л е в о й з н а к¹⁰ – отсутствие положительного означающего, который должен был бы иметь место на основании аналогии с другими синтагмами [Там же: 162–187]. Кроме нелинейности, Ш. Балли отмечает еще один тип отступлений от взаимоднозначных отношений между формой и содержанием – п о л и с е м и ю, которая может быть представлена двумя видами: а) одно означающее имеет несколько значений (многозначность); б) одно означаемое выражается несколькими означающими (многовыразимость), а также указывает на о м о н и м и ю и з а м е щ е н и е как предельные типы многозначности и многовыразимости [Там же: 189].

Чешский лингвист В. Скаличка в качестве примеров асимметрии означающего и означаемого называет следующие категории: о м о н и м и ю (нем. *Bauer* ‘крестьянин’ – *Bauer* ‘клетка’), о м о с е м и ю («когда один и тот же элемент имеет различное выражение, что наблюдается, например, с флексиями в чешских словах *nes-u* «я несу», *kuřij-i* «я покупаю», *dělá-m* «я делаю») и с и н о н и м и ю (*bida* – ‘нищета’, *pouze* – ‘нужда’, *nedostatek* – ‘нехватка’) [Skalička 1935/1967: 120–121].

Современные исследователи, «широко и сочувственно», по выражению Г.П. Мельникова, цитируя считающийся в настоящее время аксиомой тезис об асимметрии означающего и означаемого [Мельников 1971: 55; Кобозева 2009: 35–36], (см. также [Ахманова 1955: 91; Mahmoudian 1982/1985: 97; Трубачев 2003: 65; Будагов 2004: 265]), дополняют его новыми положениями.

Так, Н.Д. Арутюнова выделяет следующие типы отношений между означаемым и означающим знака в их синтагматическом и парадигматическом аспектах: 1) отношение 1 : 1, при котором одной единице содержания соответствует одна единица вы-

¹⁰ О важности для общей семиотики проблемы «нулевого противопоставления» и «нулевой сущности» см. также [Фортунов 1891–92/1956: 138; Saussure 1931/1977: 119; Bally 1932/1955: 164–181; Jakobson 1939/1985; Hjelmslev 1943/1960: 348–349; Чинчлэй 1975: 64–68; Mahmoudian 1982/1985: 99; Чесноков 2007].

ражения / одному означаемому соответствует одно означающее; 2) отношение 1 : 2 (или более) – одной единице содержания соответствует несколько выражений / одному означаемому соответствует два или более означающих; 3) отношение 2 (или более) : 1 – нескольким элементам содержания соответствует одна неделимая единица выражения / два или более означаемых соотносятся с одним означающим; 4) отношения 0 : 1 – элемент выражения не соотнесен с элементом содержания; 5) смешанные и комбинированные отношения [Арутюнова 1968: 75, 93–94].

Г.П. Мельников наглядно (в виде графа и в виде «булева куба») представляет трехмерную модель типов синсемических, как он их называет, отношений между формой, значением и смыслом языковых знаков (ось X: тождество / различие формы – «изоморфия / гетоморфия»; ось Y: подобие / различие значений – «омосемия / гетеросемия»; ось Z: отождествление / противопоставление смыслов – «синтезия / антитезия»), среди которых не только общезвестные явления – антонимия, омонимия, синонимия, полисемия, абсолютная синонимия¹¹, но и выделяемые автором тропонимия (соотношение прямого и переносного значений лексической единицы), метасемия (переосмысление значений, каламбур) и изонимия («то же самое наименование») [Мельников 1971: 59–63; 1978: 288–290].

В.Г. Гак, подробно рассматривая использование идеи симметрии / асимметрии в лингвистике, выделяет три типа симметрии (статическая симметрия отдельного объекта A ; гомологическая симметрия переноса – отношение двух объектов $A \leftrightarrow B$; динамическая симметрия при развитии объектов $A \leftrightarrow A_1$) и три типа асимметрии: 1) асимметрия системы (неравномерное развитие аналогичных звеньев системы, неполнота системы, неоднородность звеньев системы – наличие ядра и периферии); 2) асимметрия структуры («отступления от взаимооднозначных отношений между формой и содержанием»); 3) асимметрия функционирования (нерегулярное использование языковой формы для выражения одного и того же значения и ее использование для выражения разных значений) [Гак 1998: 113–121]. Ученый также отмечает, что наиболее подробная типология асимметрии структуры разработана Ш. Балли (см. выше), однако его классификация не лишена недостатков, связанных с неразграничением явлений языка и речи [Там же: 114–115]. В.Г. Гак предлагает собственную типологию случаев расхождения формы (Φ) и содержания (C), в соответствии с которой вычленяет следующие фундаментальные типы асимметрии структуры: 1) парадигматический план – ономаσιологическая синонимия (ряд означающих при одном означаемом – Φ_1 или $\Phi_2 : C$) и семаσιологическая полисемия (ряд означаемых при одном означающем – $\Phi : C_1$ или C_2)¹²; 2) синтагматический план – слитная форма (амальгама – $\Phi_1 : C_1 + C_2$) и аналитическая форма ($\Phi_1 + \Phi_2 : C_3$); 3) семиотический план – нулевая форма ($\emptyset - C$) и пустая форма ($\Phi - \emptyset$) [Гак 1998: 118–120].

3. ФОРМАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Представим лексические единицы синкретичной «асимметричной» структуры в парадигматическом и синтагматическом планах (оставляя в стороне не являющиеся целью нашей статьи проявления асимметрии на других уровнях языка).

3.1. Парадигматический план

«Асимметричность» парадигматических лексико-семантических категорий (полисемии, омонимии, синонимии) представляет собой хрестоматийный пример формально-содержательной языковой асимметрии (С.О. Карцевский, Ш. Балли, В. Скаличка, Н.Д. Арутюнова, Г.П. Мельников, В.Г. Гак и др.).

¹¹ Г.П. Мельников предлагает называть данное явление а л л о н и м и с й.

¹² В.Г. Гак отмечает, что «именно об этом типе асимметрии и говорил прежде всего Карцевский» [Гак 1998: 118].

Систематизируя и расширяя наблюдения исследователей, приведем примеры «асимметричных» лексических единиц, различая семасиологический и оно-масиологический аспекты.

3.1.1. Семасиологический аспект (Ф : С₁ или С₂)

С точки зрения семасиологического аспекта «асимметричными» (когда одному означаемому соответствует несколько означаемых, связанных с двумя/более денотатами и сигнификатами) являются, как известно, полисемичные единицы (*красивый*_{1,2,3}¹³ – ‘доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом’, ‘полный внутреннего содержания, высоконравственный’, ‘привлекающий внимание, эффектный, но бессодержательный’), среди которых «крайние» случаи полисемии: а) дисемия, или «двузначность»¹⁴ (*иллюстрировать*_{1,2} – ‘снабдить (-бжать) каким-н. поясняющим рисунком’, ‘пояснить (-нять) чем-н. наглядным, конкретным’), б) эврисемия, или «широкозначность», или «сильнозначность»¹⁵ (*дело*_{1,2...11} – ‘работа, занятие, деятельность’, ‘круг ведения, то, что непосредственно относится к кому-чему-н.’, ‘надобность, нужда’, ‘нечто важное, нужное’, ‘специальность, круг знаний’, ‘предприятие’, ‘событие, обстоятельство, факт, положение вещей’, ‘поступок’, ‘судебное разбирательство, процесс’ и т. д.), а также энантиосемичные многозначные слова¹⁶, выражающие два/несколько значений, противоположных по семантике (*прослушать*_{1,2} – ‘выслушать от начала до конца’, ‘слушая, не воспринять, не услышать’; *славить*_{1,2} – ‘воздавать хвалу, создавать славу кому-чему-н.’, ‘распространять дурные слухи о ком-чем-н.’).

Во-вторых, к семасиологическим «асимметричным» единицам относят лексические омонимы, причем они могут иметь несколько значений, что усугубляет асимметрию (например: *кисть*_{1,2,3} – ‘пучок щетины, волос на рукоятке для нанесения краски, клея на что-н.’, ‘пучок ниток, шнурков, употребляемых как украшение’, ‘разветвленное соцветие’, *кисть*² – ‘часть руки от запястья до конца пальцев’). В отдельных случаях «асимметричными» являются единицы периферийных разновидностей омонимии: а) в отдельных грамматических формах – оморфомы, или грамматические омонимы (*печь* – сущ., *печь* – глаг.; *стих* – сущ., *стих* – глаг.; *три* – числит., *три* – глаг.); б) только в устной форме – омофоны, или фонстические омонимы (*грипп* – *гриб*, *отвести* – *отвезти*, *сутками* – *с утками*); в) только в письменной форме – различающиеся ударением омографы различных видов (*атлас* – *атлас*, *селó* – *село*, *дóма* – *домá*, *кóмпас* – *компас*).

Кроме того, в качестве омонимов к общеупотребительным лексико-семантическим единицам могут выступать слова, употребление которых ограничено экстралингвистическими факторами: а) ограниченные территориально – диалектизмы (например: *беляк* (общеупотр.) ‘вид зайца’, (обл. влад.) ‘белый гриб’; *былина* (общеупотр.) ‘русская народная эпическая песня о богатырях’, (обл. влад.) ‘полынь’; *голубка* (общеупотр.) ‘самка голубя’, (обл. влад.) ‘василек’; *матрешка* (общеупотр.) ‘деревянная кукла’, (обл. влад.) ‘гриб свинушка’) [Канунова 2004: 18–19]; б) ограниченные сфе-

¹³ Здесь и далее значения лексических единиц приводятся по [Ожегов 2007].

¹⁴ Термин см. в [Ахманова 1966: 135].

¹⁵ О «широкозначности» (термин Н.Н. Амосовой [Амосова 1963: 98]), или эврисемии [Плоткин, Гросул 1982: 82], или сильноногозначности [Зализняк 2006: 18, 36], исследователи говорят, обращая внимание на единицы «...с ненормативно большим числом значений» – высокочастотные предлоги [Плунгян, Рахилина 2000: 115–133; Филипенко 2000: 12–54], глаголы (англ. *take*, *take*, *get*, *use*) и некоторые существительные (такие, как англ. *thing*, русск. *вещь*, *предмет*, *дело*, *проблема*, *вопрос* и под.), которые вычлениваются из «обычной» полисемии «как лексико-семантическое варьирование особого рода», выходящее «за пределы всякого деривационного моделирования в область семантической идиоматики» [Никитин 2005: 112].

¹⁶ Энантиосемию характеризуют также как разновидность омонимии [Шанский 1972: 64; Комлев 1992: 63], «внутрисловную антонимию» [Новиков 1982: 251] и «своеобразные омоантонимы» [Виноградов 1953: 9].

рой употребления – профессионализмы (например: *елочки* (общеупотр.) ‘хвойные вечнозеленые деревья’ (умснш.-ласк.), (в речи полиграфистов) ‘вид кавычек’; *кастрюля* (общеупотр.) ‘металлическая посуда для варки пищи’, (в речи физиков) ‘синхрофазотрон’; *ябедник* (общеупотр.) ‘человек, который ябедничает, наушничает’, (в речи техников-энергетиков) ‘самозаписывающее устройство’); в) ограниченные социальной общепринятостью – жаргонизмы (например: *гроб* (общеупотр.) ‘специальный ящик, в котором хоронят умершего’, (жарг.) ‘система учреждений и мероприятий гражданской обороны’; *крутой* (общеупотр.) ‘отвесный, обрывистый’, (жарг.) ‘выдающийся, неординарный, особенный в своих проявлениях’; *хвост* (общеупотр.) ‘у животных: придаток (обычно подвижный) на задней части тела или вообще задняя суженная часть тела’, (жарг. студ.) ‘академическая задолженность, не сданный в срок зачет или экзамен’) [Химик 2004: 124, 258, 281, 667].

3.1.2. Ономаσιологический аспект (Φ_1 или Φ_2 : С)

С точки зрения ономаσιологического аспекта «асимметричными» (когда несколько означаемых соответствуют одному означающему) являются синонимичные единицы: *дом, жилище, жилье, жилплощадь, резиденция* – ‘помещение, где человек живет более или менее постоянно’; *еда, снедь, яства, пища* – ‘то, что едят в данный момент, или то, чем питаются’; *надеяться, уповать, рассчитывать, полагаться* – ‘ожидать, что произойдет нечто хорошее или нужное для субъекта, и считать, что для такого ожидания есть основания’; *пустой, пустующий, опустевший, опустелый, порожний* – ‘такой, где отсутствует нечто, чего в данном месте естественно ожидать’; *сначала, вначале, сперва, поначалу, первоначально* – ‘в первой части рассматриваемого временного отрезка и раньше каких-либо других событий’; *неправда, ложь, вранье, обман* – ‘неверная передача фактов в условиях, когда человек знает правду’ [НОСС 1999: 84, 96, 180, 298, 382; НОСС 2000: 223–229].

Польский исследователь Е.Р. Курилович случаи частичного совпадения, или «приближения», значения частичных идеографических и стилистических синонимов (типа *осёл* (‘упрямый человек’) : *упрямец, отец : батюшка, супруга : жена, священник : поп, самолет : аэроплан* и др.) обозначает термином «с и н к р е т и з м» [Курилович 1955: 80].

Н.И. Толстой по отношению к случаям частичной синонимии, «когда одна и та же семемная клетка покрывается двумя разными лексемами (*березиско* и *березище*)», использует термин «нейтрализация»¹⁷ [Толстой 1966: 25]. Д.Н. Шмелев приводит следующие примеры нейтрализации частичных синонимов: Кругом царица *тишина / молчание*, тоска *грызет / гложет, рыться / копать* в бумагах и др. [Шмелев 1973: 128]. Кроме того, Д.Н. Шмелев рассматривает и относительно редкие случаи нейтрализации антонимов: – Ты бы, Евграф Иванович, дал ему рублей шесть на сапоги... – Пусть мои *старые* возьмет. Они еще совсем *новые* (Чехов. Тяжелые люди) [Там же: 127].

Свособразными синонимами могут также выступать пары общеупотребительных/ограниченных в своем употреблении лексических единиц, например: а) общеупотребительные слова – диалектизмы (обл. влад.) (*старица* – *букля*, *овраг* – *буярэк*, *волнушка* – *губатка*, *гречиха* – *дикуша*, *противень* – *жаровник*, *засуха* – *испека*, *поляна* – *кулижска / лахтина / ялань*, *подберезовик* – *обабок*, *будни*, *сутки* – *обыдёнки*) [Канунова 2004: 17–18]; б) общеупотребительные слова – профессионализмы (*опечатка* – *ляп* (в речи полиграфистов, журналистов); *лисий след* – *нарыск* (в речи охотников); 15-ти

¹⁷ Л.М. Васильев различает нейтрализацию и нейтральность, приводя следующие примеры нейтральности (безразличия) лексических единиц к тому или иному семантическому признаку: *шагать / идти, шагать / ходить* (глагол *шагать* нейтрален к оппозиции по семам определенной/неопределенной направленности движения), *изумляться / быть в изумлении, изумляться / приходить в изумление* (глагол *изумляться* – к оппозиции по семам бытийности/становления) и под. [Васильев 1981: 34].

километровая дистанция – *пятнашка* (в речи спортсменов)); в) общеупотребительные слова – жаргонизмы (*забавно, смешно – прикольно* (молод.); *самовольная отлучка – самоволка* (арм.); *родители – шнурки / черепа / пэрэнсы* (молод.)) и арготизмы (*беззаконие – беспредел; жертва преступника – лох; выяснение отношений – разборки; воровской жаргон – феня*); г) общеупотребительные слова и ограниченные пассивностью употребления – архаизмы (*чтобы – дабы; шея – выя; правая рука – десница; палец (руки) – перст; вор – тать; дружба – дружество; поэт – пиит*) и т. д.

Кроме того, к «асимметричным» ономаσιологическим явлениям могут быть отнесены случаи вариантности лексических единиц на различных языковых уровнях: а) фонетическом (орфоэпические варианты: [т'е]рапия / [т'э]рапия, до[ж'ж']ик / до[жд']ик; акцентные варианты: *иначе / инáче, твóрог / творóг*; фонематические варианты: *калоши / галоши, тоннель / туннель*); б) грамматическом (словоизменятельные варианты: *перифраз* (м. р.) / *перифраза* (ж. р.), *ставень* (м. р.) / *ставня* (ж. р.), *в óтпуске / в отпуску́* (п. пад.); словообразовательные варианты: *туристский / туристический, локализовать / локализовать*); в) лексическом (*между / меж, бивак / бивуак, мадемуазель / мадмуазель* и др.)¹⁸. Эти (и подобные) варианты, отражая формально-содержательную языковую асимметрию, связаны с проблемой литературной нормы (подробнее см. в [Граудина 1997; Немченко 1998]). Особый случай – вариантность фразеологических единиц, также проявляющаяся на различных языковых уровнях: *заморить [замаривать] червячка [червяка], калиф [халиф] на час, камень на душе [на сердце], заколдованный [порочный] круг, во весь дух [мах, опор], ни бе ни ме <ни кукареку>, пройти <сквозь> огонь и воду <и медные трубы>* и т. п.

3.2. Синтагматический план

Как уже указывалось, лингвисты, говоря о формально-содержательной языковой асимметрии в синтагматическом плане, выделяют, во-первых, слитную форму, или амальгаму (А. Мартине), предполагающую «совмещение означаемых» (*le simul*, Ш. Балли), во-вторых, аналитическую форму, в которой совмещаются означающие [Гак 1998: 118].

3.2.1. Слитная форма, или амальгама

По отношению к «совмещению означаемых» исследователи используют самые разнообразные термины («амальгамность», двоезначность, двойственность, двуплановость, диффузность, многозначность¹⁹, многоплановость, неоднозначность, неразличение, нерасчлененность, размытость, синкретизм, туманность и т. д.), имея в виду, как показывает анализ дефиниций, три основных типа синкретизма: 1) объединение / совмещение первоначально различных значений – синкретизм двух значений многозначного слова (в отдельных случаях – омонимичного); 2) первоначальную неоднозначность / нерасчлененность отдельного ЛСВ – синкретизм одного значения; 3) «двойственность» / «размытость» как характерный признак качественно «сложного» (синкретичного) значения.

3.2.1.1. Синкретизм двух значений многозначного слова ($\Phi : C_1 \text{ и } C_2$)

Синкретизм возникает при одновременной реализации двух значений многозначного слова, причем это совмещение значений может быть намеренным (каламбурным, входящим в «языковую игру», художественным / поэтическим) и ненамеренным (нека-

¹⁸ Л.К. Граудина подчеркивает, что лексические варианты отличаются от грамматических различием неформальной части слова [Граудина 1997: 62].

¹⁹ Следует обратить внимание на «многозначность» термина *многозначность*, который относится как к парадигматике (указывая на наличие у слова более одного значения – «полисемию»), так и к синтагматике (обозначая совмещение двух значений – «неоднозначность») [Зализняк 2006: 20–21].

ламбурным, «обыденным»). Анна А. Зализняк отмечает, что «если каламбур сталкивает и противопоставляет – безразлично, значения одного слова, омонимы или любые другие внешне сходные вещи (омофоны, омографы, случайно совпавшие формы, само слово и словосочетание, возникшее в результате его паразитического переразложения, ср. шутки типа “Когда цветочник бывает предателем? – Когда он продает *нас* Турции”, игру “Почему не говорят...?” и т. п.) – то некаламбурное совмещение значений (возможное, заметим, только для разных значений многозначного слова, но не для омонимов), наоборот, их объединяет» [Зализняк 2006: 27].

3.2.1.1.1. «Намеренная многозначность»

Ю.Д. Апресян подчеркивает, что «намеренная многозначность» используется «как основа для каламбура, поэтической метафоры или иного стилистического приема, построенного на одновременном обыгрывании сразу нескольких значений слова или иной лексической единицы, например, *Les poètes ne vous regardent pas* (экспромт Верлена, обращенный к полицейским чинам, которые присутствовали на его публичной лекции)...» [Апресян 1974: 180–181].

Б.А. Ларин, используя термин «д в о с з н а ч и м о с т ь» (одновременное представление двух значений [Ларин 1974: 66]), указывает на особый («наиважнейший для исследования поэтической речи») разряд лексических единиц, в употреблении которых демонстрируются «...случаи разного эстетического значения слов при одинаковом или безразличном реальном и концептуальном значении» (например: По лицу его больше и больше распространялась какая-то *тупая* («неяркая») смертельная бледность (Левитов); Спокойствие и самоуверенность неловких и *тупых* («коротких, задержанных») движений (Л. Толстой); Продажа книг идет, как видно, *тупо* («с затруднением») (Гоголь)) [Там же: 32–33].

Кроме того, исследователи говорят о *д в у п л а н о в о с т и* [Виноградов 1976: 411], *м н о г о п л а н о в о с т и* [Новиков 1987: 116; 1982: 132], *д в о й с т в е н н о с т и*, поэтической *н е о д н о з н а ч н о с т и* художественного текста как сосуществованию «множества различных осмыслений», «оживлении внутренней формы», «стереоскопическом эффекте» [Зализняк 2006: 18, 22, 23].

3.2.1.1.2. Некаламбурное совмещение значений многозначного слова

Выделяется пять типов ненамеренного (некаламбурного, обыденного) совмещения значений многозначных лексических единиц.

1. «С к л е и в а н и е» – «объединение в одном слове (в пределах одного высказывания) двух отчетливо различных, но при этом не взаимоисключающих его пониманий, не создающее никакого специального эффекта: «неоднозначность» в таких случаях обнаруживает лишь лингвист, поставивший перед собой задачу идентификации словарного значения» [Зализняк 2006: 27–28], ср. [Кронгауз 2005: 124]. В качестве иллюстрации приводятся следующие примеры: Пустое *сердце* бьется ровно, / В руке не дрогнул пистолет (Лермонтов) (в слове *сердце* «склеиваются» значения ‘центральный орган кровообращения’ (*сердце бьется*) и ‘этот орган как символ средоточия чувств’ (*пустое сердце*); Через край полная *аудитория* была неспокойна и издавала глухой, сдавленный гул (А. Герцен) (слово *аудитория* одновременно обозначает помещение и множество находящихся в нем людей) [Зализняк 2006: 28] (обсуждение данных и подобных/близких примеров см. также [Перцов 1994: 278–297; 1996: 28–30; Урысон 1997: 113]).

Н.Н. Перцова выделяет три типа регулярной полисемии, допускающей обыденное, непоэтическое совмещение («склеивание») разных значений, к которым Н.В. Перцов добавляет еще два (отмечая их близость к случаю 2): (1) ‘часть тела’ – ‘ее типовая функция’ (Ее маленькую *головку* мучил вопрос местничества – А. Чехов); (2) ‘место’ – ‘его обитатели’ (Вскользну по цементу в молящуюся *церковь* – А. Крученых); (3) ‘информация’ – ‘физический носитель информации’ (Гори, *письмо* любви – А. Пушкин); (4) ‘по-

мещенис' – 'люди в помещении' (приведенный выше пример из А. Герцена); (5) 'вместилище' – 'масса или жидкость во вместилище' (Хрустальные бокалы шипят – пример Е.В. Падучевой) [Перцова 1988: 72–73; Перцов 1996: 53–54; 2001: 63].

2. «С п л а в». По мнению Анны А. Зализняк, «этот тип совмещения значений особенно характерен для поэзии», а его суть в том, что два «отчетливо различных значения как бы соединяются в одно; при этом ощущение их разности тоже сохраняется, и именно на этом основан эффект: разные вещи предстают как одна ... Все стало тяжелее и громаднее, поэтому и человек должен быть *тверже* всего на земле и *относиться* к ней, как алмаз к стеклу (О. Мандельштам. О природе слова)» [Зализняк 2006: 29–30].

3. «М е р ц а н и е» («о с ц и л л я ц и я»). Этот вариант «поэтического» совмещения значений выделяется со ссылкой на Ю.Д. Апресяна (и книгу Г. Стерна)²⁰, при этом имеются в виду употребления, «когда два или более различных значения присутствуют в слове одновременно, что создает эффект “мерцания” (т. е. как бы попеременно обнаруживает себя то одно, то другое значение) ... Вот мы и встали в крестах и нашивках, / В снежном дыму, / Смотрим и *видим*, что вышла ошибка, – / И мы ни к чему! (А. Галич. Ошибка)» (пример Ю.Д. Апресяна) [Зализняк 2006: 30–31].

4. Т.М. Николаева говорит о «принципе тернарной семантики» как об особом случае поэтического некаламбурного совмещения значений, состоящем в том, что «одна и та же лексическая единица (иногда – просто слово) в случае 1-м имеет значение X, в случае 2-м имеет значение Y, а в 3-м случае – как бы и X, и Y одновременно» [Николаева 1997: 41]. Приводится пример из «Слова о полку Игореве», где в одном случае под *галицами* имеются в виду птицы, в другом – половцы, а в третьем – «то ли птицы, то ли половцы» [Там же].

5. Неразличение (синкретизм) значений возникает при соединении «двух смыслов, расчленение которых в пределах данного высказывания невозможно (т. е. может быть произведено лишь на основании каких-то других контекстов – то, что по-английски называется *vagueness*²¹)» [Зализняк 2006: 31]. На подобное нерасчлененное выражение значений многозначного слова указывает, например, еще датский ученый О. Есперсен, говоря о «дополнении результата» ('объект действия' + 'результат действия': *он построил дом, она рисует цветы, он написал письмо*) [Jespersen 1924/1958: 181–182].

А.М. Пешковский называет подобные случаи «винительным результата», при которых «...к значению перехода [действия. – М. П.] присоединяется значение создания того предмета, на который переходит действие; самый переход может здесь осуществляться только по мере создания предмета» [Пешковский 1935: 262]. Ср.: *А дуги гнут с терпеньем и не вдруг... Беда, коль пироги начнет печи сапожник, А сапоги тачать пирожник...* (Крылов). Ср. еще: *строить дом, шить платье, рыть канаву* и т. д.

Э. Бенвенист приводит контекст из языка соколиной охоты, в котором происходит совмещение значений двух омонимичных глаголов *voler* 'летать' и *voler* 'красть': *le faucon vole la perdrix* – 'сокол преследует и ловит на лету куропатку' (букв. 'сокол летит куропатку') [Benveniste 1966/2010: 332–333].

Ю.Д. Апресян, говоря о синкретичном выражении разных значений многозначного слова, рассматривает контекст *бороться с еретиками* и отмечает, что здесь «с + S_{тв.} синкретично реализует сразу два значения – субъекта и цели», а также представляет следующие случаи «двусмысленности» при исключительно-дизъюнктивной организации значений: *обивка кресла* ('действие' и 'покрытие'), *остановка трамвая* ('действие' и 'место'), *катать шарики* ('делать' и 'перемещать'), *пилить / резать фигурку* ('разрушать' и 'создавать'), *старое название* ('бывшее прежде' и 'существующее с давних пор') и т. п., многозначность которых «может явиться результатом недостаточности синтак-

²⁰ Ю.Д. Апресян отмечает, что «Г. Стерн создал учение об «о с ц и л л и р у ю щ и х» случаях употребления слов, т. е. употреблениях, допускающих в данном контексте два понимания...» [Апресян 1974: 179–180].

²¹ 'Неопределенность'.

сического, лексического или семантического контекста» [Апресян 1974: 180–181, 186]. Кроме того, Ю.Д. Апресян изучает явления синкретизма при выражении валентностей: *ехать / плыть / лететь на чем-л.* (значения инструмента и места), *убираться в комнате* (значения места и объекта) и др. [Там же: 140].

Т.С. Коготкова и И.Е. Кузнецова пишут о диффузии [Коготкова 1979: 20], или синкретичности, диалектной лексики (например, *болезновать, гребовать, залащивать, обаивать* и т. п.), у которой «...отдельные значения или смыслы слова взаимно проникают друг в друга, совмещаются, не поддаются расчленению» [Кузнецова 1999: 174].

3.2.1.2. Синкретизм (неоднозначность/нерасчлененность) одного значения ($\Phi : C = 'A' \text{ и } 'B'$)

3.2.1.2.1. Речевая многозначность / неопределенность

Ю.Д. Апресян обращает внимание на неоднозначность в пределах одного ЛСВ слова, возникающую под влиянием «энциклопедических факторов», которую он называет речевой многозначностью [Апресян 1974: 177]. В качестве примеров (со ссылкой на Д. Лайонса и У. Вейнрейха) приводятся фразы типа *Больной моргнул, Иван упал, Ребенок часто дышал, Гусар загредел шпорами, Он разбил окно локтем, Джон прострелил себе руку*, допускающие два осмысления: «намеренное» (некто это сделал) и «ненамеренное» (с кем-то это случилось) [Там же: 176]. Кроме того, к разновидностям речевой многозначности Ю.Д. Апресян относит неоднозначность многих вопросительных предложений (*Кто построил Кремль?, Кому посвящены сонеты Шекспира?, Что в этой шкатулке?*), которые могут быть заданы как с целью получения неизвестной говорящему информации, так и с целью проверки знаний адресата (вопросы экзаменатора), а также фразы «типа *Этот текст улучшить <усовершенствовать> нельзя* (либо потому, что он является верхом совершенства, либо потому, что он безнадежно плох)» и под. [Там же: 177].

Анна А. Зализняк, уточняя наблюдения Ю.Д. Апресяна, указывает, что неоднозначность «экзаменационных вопросов» (как и вопросов типа *Не знаете ли вы, который час?* и под.) объясняется возможностью их использования в разной иллокутивной функции и обеспечивается «устройством языка», причем «варианты прочтения взаимно исключают друг друга» (такая неоднозначность названа дизъюнктивной [Перцова 1988]), а при дальнейшей коммуникации неоднозначность либо разрешается, либо происходит «коммуникативная несудача» [Зализняк 2006: 21–22]. В выражениях же типа *Гусар зазвенел шпорами* представлена «не собственно неоднозначность, а скорее неопределенность (недоопределенность) некоторого параметра и вследствие этого неполнота представления о ситуации» [Там же: 22].

3.2.1.2.2. «Несостоявшаяся полисемия»

Ю.Д. Апресян рассматривает тип значений, который создается включительно-дизъюнктивной (моносемичной – $A = 'B \text{ или } C'$) организацией семантических компонентов (при одновременной реализации ' B ' и ' C '), например: *обжечь* = 'каузировать травму горячим или едким', *гаснуть* = 'переставать гореть или светить', *заря* = 'яркое освещение горизонта перед восходом или заходом солнца', *корреспонденция* = 'письма или телеграммы' (в отличие от *почта* – 'любые почтовые отправления, включая бандероли, посылки и т. п.') [Апресян 1974: 186]. Автор подчеркивает, что подобные значения ощущаются как единые (а не отдельные), поскольку допустимы некаламбурные контексты, реализующие обе их части, например: *Дрова в камине и неоновые лампы на улице погасли почти одновременно* [Там же].

Вслед за Ю.Д. Апресяном Е.В. Урысон, описывая семантику лексемы *небо*, имен действия типа *шелестенье* (*щебетанье, пицанье, скрипенье, визжанье, грохотание, хрустенье, тарактанье, кудаханье, карканье, мычание* и т. п.), существительных

предчувствие, голод, аппетит, глаголов с приставкой *пере-* (типа *перезнакомиться*) и др., говорит о «лабильности», «нежесткости», неполной детерминированности значений данных лексических единиц, представляющих не одну типизированную ситуацию (не один типизированный объект), а две ($A = 'B$ или C'), компоненты которых могут находиться в различных соотношениях ($A = 'B$ и $'C'$ / или $'B'$, или $'C' / 'B'$ в $'C' / 'C'$ в $'B'$ и др.). Автор полагает, что в данных случаях имеет место «*н е с о с т о я в ш а я с я* *п о л и с е м и я*», скрытая многозначность одного лексического значения, отраженная в толкованиях подобных значений с использованием связки «или». Например: *небо* (упрощенно) – «пространство или купол», существительные типа *шелестенье* – $S_o(P)^{22}$ или соответствующий звук, «ситуация, в которой имеет место определенный звук, или звук, имеющий место в определенной ситуации» и под. [Урысон 1997: 113–119; 2003: 171–211; НОСС 1999: 214–216].

3.2.1.3. Синкретичное (качественно «сложное») значение

М.В. Никитин отмечает, что «в одном и том же значении языковой единицы могут быть скомпонованы в одно структурно сложное понятие несколько более простых понятий», что проистекает «из связи значения со знаком» [Никитин 1988: 48, 60]. Вслед за ним В.М. Савицкий делит значения на *с л о ж н ы е*, состоящие из значений, и *п р о - с т ы е*, состоящие из сем, указывая, что «значение обладает собственным десигнатором, сема же – нет» [Савицкий 2006: 60]. От «обычных», состоящих из сем, значений (включающих одну семему), *с и н к р е т и ч н о е* *з н а ч е н и е* (нерасчлененно включающее в себя две / более семемы) отличается связью одновременно с двумя / несколькими сигнификатами и/или денотатами. Следует отметить, что существование синкретичных лексических значений имплицитно отражено в лексикографической практике – в традиции словарных помет (не всегда, правда, системных), целью которых является *к а ч е с т в е н н а я* дифференциация значений.

Представим основные виды синкретичных («сложных») значений.

3.2.1.3.1. Синкретичность метафорического значения

$(\Phi : C_c = A(D_1 + S_1)$ *подобно / сходно с* $B(D_2 + S_2))^{23}$

В.В. Виноградов говорит о том, что неотъемлемой принадлежностью метафоры является «двуплановость», Н.Д. Арутюнова – «семантическая диффузность», «туманность», «неоднозначность», Г.Н. Складарская – «удвоение денотата» [Виноградов 1976: 411; Арутюнова 1990: 9; Складарская 2004: 21, 47]. По мнению М.В. Никитина, при метафорической связи значений общей частью являются семы импликационала и (реже) интенционала (содержания понятия), которые в производном значении играют роль дифференциальных сем (гипосем); например: *медведь*₁ – «определенный вид животного» (интенционал), «неуклюжий, увалень», «большой, громоздкий» и под. (импликационал) [Никитин 1988: 70]. П.В. Чесноков рассматривает метафорические значения как «синкретичные построения», «...в которых прямое значение выступает в качестве фона для переносного значения» (*медведь* – «неуклюжий человек», *березка* – «изящная, стройная девушка») [Чесноков 2001: 18]. Е.В. Падучева указывает, что для того, «чтобы понять живую метафору, слушающий должен мыслить объект... сразу в двух категориях. Одна – это его собственная... Другая – та, которая предсказывается категориальной предпосылкой главного предиката в его исходном, неметафорическом употреблении...» [Падучева 2004: 171].

Синкретичное значение мотивированной (живой) языковой метафоры связано с двумя денотатами (номинальным / названным и уподобляемым ему реальным / имеющимся

²² $S_o(P)$ – отглагольное существительное, совпадающее по смыслу с исходным глаголом P (символ одной из лексических функций А.К. Жолковского – И.А. Мельчука) [Мельчук 1974: 85].

²³ C_c – синкретичное означаемое / значение (синкретичное содержание знака); A – номинальный денотат и соответствующий ему сигнификат ($D_1 + S_1$); B – реальный денотат и соответствующий ему сигнификат ($D_2 + S_2$).

в виду [Савицкий 2006: 67]) и двумя указывающими на конкретные / абстрактные объекты и/или их свойства с и г н и ф и к а т а м и. Метафорические значения воспринимаются говорящим / слушающим как «двуплановые» на фоне прямых («симметричных») значений (связанных с одним конкретным денотатом и одним сигнификатом), а в толковых словарях фиксируются при помощи пометы «перен.» (переносное). Например: *осел* – ‘родственное лошади животное невысокого роста’, ‘(перен.) о тупом упрямце’ (Ведь есть же такие *ослы*, что женятся! – И. Гончаров. Обломов); *ишак* – ‘то же, что осел’, ‘(перен.) человек, безропотно выполняющий самую тяжелую работу’ (Вы думали, я вам *ишак* бессловесный? Сколько я в дом получек перетаскал, а хоть один костюмишко маломальский купили мне? – В. Шукшин. Мой зять украл машину дров!)²⁴; *орел* – ‘хищная сильная птица из семейства ястребиных, с изогнутым клювом, живущая в гористых или степных местностях’, ‘(перен.) о гордом, смелом, сильном человеке’ (Остановив машину и просветлев, как всегда при виде разведчиков, генерал спросил: – Ну что, *орлы*? Варшава на горизонте. – Э. Казакевич. Звезда); *кремень* ‘очень твердый камень’, ‘(перен.) о человеке с твердым характером’ (Это он узнал от людей. Молодец мать! *Кремень*! Сталь! И как хорошо, что он выдался весь в нес, а не в отца. – Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей), *пилить* – ‘резать пилой, а также снимать слой металла напильником’, ‘(перен.) беспрерывно попрекать, придирааться’ (Вначале он, правда, был несколько растерян, дымил своей сигарой, бабушка, наверно, *пилила* его с утра до ночи: завез Якоба в этот проклятый городишко, недосмотрел, проморгал, – и вот результат – потеряли любимого сына. – А. Рыбаков. Тяжелый песок); *горький* – ‘имеющий своеобразный едкий вкус’, ‘(перен.) горестный, тяжелый’ (Ты мне верь! Я человек большого, *горького* опыта. Знаю жизнь! – М. Булгаков. Театральный роман) и т. п.

Значения «живой» языковой метафоры противопоставлены значениям номинативной [Арутюнова 1997], или стершейся [Падучева 2004], или генетической [Скляревская 2004], метафоры с «потухшей» языковой образностью, образующей имена обычно непоименованных предметов / объектов, в которой номинальный денотат совпадает с реальным, а значение уже не воспринимается (и не фиксируется в словарях) как «двуплановое» (переносное). Например: *ручка* – ‘см. рука’, ‘часть предмета, за которую его держат или берут рукой; рукоятка’ (дверная *ручка*, *ручка* чайника, *ручка* чемодана и др.); *носик* – ‘см. нос’, ‘выступающая в виде трубки часть чайника, молочника, кофейника и т. п., через которую выливают жидкость’ (чайник с отбитым *носиком*); *журавль* – ‘большая болотная птица с длинными ногами и длинной шеей’, ‘длинный шест у колодца, употребляемый как рычаг при подъеме воды’ (*журавль* колодца) и т. д.

3.2.1.3.2. Синкретичность метонимического значения

($\Phi : C_c = A(D_1 + S_1)$ смежно с $B(D_2 + S_2)$)

М.В. Никитин указывает, что при метонимической связи содержание понятия (интенционал) исходного значения становится дифференциальной семой (гипосемой) производного; например: *вечер* – ‘определенная часть суток’, *вечер* – ‘вечернее увеселительное мероприятие’ [Никитин 1988: 69]. Е.В. Падучева отмечает, что понимание предложения с «живым» метонимическим переносом «требует восстановления другого участника ситуации, связанного с данным отношением смежности. Классический пример такой метонимии – когда вместилище заменяет собой содержимое: ...*стаканы* пенились и шипели беспрестанно (Пушкин. Выстрел)» [Падучева 2004: 160].

Значение «живой» метонимии, как правило, не фиксирующейся в словарях²⁵, связано с двумя денотатами («номинальный денотат указывает на реальный, служит его приметой, признаком» [Савицкий 2006: 113]) и двумя сигнификатами, от-

²⁴ Ю.Д. Апресян обращает внимание на то, что близкие по значению слова в одном и том же языке могут иметь сильно различающиеся ассоциации. Ср. *осел* – упрямство, тупость (*упрямый* или *глупый*, как *осел*. Ну и *осел* же ты; Довольно *ослить*! и т. п.), *ишак* – готовность много и безропотно работать (*работает*, как *ишак*; Я вам не *ишак* тянуть за всех и под.) [Апресян 1974: 67].

²⁵ Как отмечает Е.В. Падучева, «нельзя же для слова *рюмка* предусмотреть значение ‘водка’» [Падучева 2004: 162].

ражающими тот или иной продуктивный семантический перенос. Например: часть – целое ('прикрепленное к древку или шнуру полотнище определенного цвета, часто с эмблемой' – 'корабли, флот': Сюда по новым им волнам Все *флаги* в гости будут к нам. – А. Пушкин. Медный всадник); вместилище и вмещаемое ('посуда круглой формы со слегка приподнятыми краями и широким плоским дном' – 'порция ухи': «Еще тарелочку; послушай: Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» – «Я три *тарелки* съел». – И. Крылов. Демьянова уха); материал и изделие из него ('драгоценный блестящий металл серовато-белого цвета', 'драгоценный металл желтого цвета, употребляющийся как мерило ценностей и в драгоценных изделиях' – 'посуда из драгоценных металлов': Учились бы, на старших глядя: Мы, например, или покойник дядя, Максим Петрович: он не то на *серебре*, На *золоте* едал. – А. Грибоедов. Горе от ума) и под.

Данные синкретичные значения, как и метафорические, выявляются на фоне, во-первых, прямых («симметричных») значений, обладающих одним конкретным денотатом и сигнификатом, во-вторых, отраженной в словарях «стершейся» метонимии, при которой «двойной концептуализации быть не должно» [Падучева 2004: 162]. Например: (часть – целое) *бас* – 'самый низкий мужской голос' (густой *бас*), 'певец с таким голосом' (известный *бас*); (действие – место действия) *стоянка* – 'остановка' (*стоянка* поезда три минуты), 'место, где располагаются на время остановки' (*стоянка* такси); (выражающий свойство, состояние – вызывающий их) *печальный* – 'проникнутый печалью' (*печальное* настроение), 'вызывающий сожаление, печаль' (*печальный* случай) и под.

3.2.1.3.3. Синкретичность значений слов-символов ($\Phi : C_c = A(D_1 + S_1)$ есть $B(D_2 + S_2)$)

Символ, рожденный «поисками тайных соответствий мира материального и духовного» [Лихачев 1979: 162] и являющийся «семиотическим конденсатором», посредником «между синхронией текста и памятью культуры», отличается элементом иконичности, «определенным подобием между планами выражения и содержания» [Лотман 2001: 249]²⁶, а также устойчивостью формы (а не значения), которая «может быть не только названа, но и изображена» [Арутюнова 1997: 236]. Как отмечает В.В. Колесов, в Древней Руси символ выступал в функции понятия, он был «посредствующим между "вещью" и "словом" (знаком вещи) элементом» [Колесов 1995: 287], например: *весна* – христианство, *жемчугъ* – душа, *меч* – символ княжеской власти и чести и др.

Символические значения связаны с двумя денотатами и двумя сигнификатами, один из которых (названный) является конкретным/материальным, а другой (подразумеваемый/символизируемый) – абстрактным/духовным. Как известно, данные значения конституируются, чаще всего не завися от наличия или отсутствия какого-либо сходства/смежности с прямым значением (в отличие от метафоры/метонимии)²⁷. Например: *весы* – 'прибор для определения веса', 'справедливость'; *голубь* – 'птица преимущественно с серовато-голубым или белым оперением и большим зобом', 'мир' (*Голубь* – это символ мира! А кто вам подает этого голубя? Посмотрите – у него же лицо убийцы! – И. Кио. Иллюзии без иллюзий); *роза (красная)* – 'любовь'; *роза (черная)* – 'печаль' (*Черные розы* – символ печали, *красные розы* – символ любви. *Красные розы* быстро завяли, *черные розы* вновь расцвели. – В. Казаченко)²⁸; *якорь* – 'надежда';

²⁶ Ю.М. Лотман отмечает: «Соссюр писал в этой связи о том, что весы могут быть символом справедливости, поскольку иконически содержат идею равновесия, а телега – нет» [Лотман 2001: 240] (ср.: «символ справедливости, весы, нельзя заменить чем попало, например колесницей» [Saussure 1931/1977: 101]).

²⁷ В связи с этим символические значения фиксируются, как правило, в энциклопедических (а не лингвистических) словарях.

²⁸ Как известно, символические значения в разных национальных культурах не совпадают. Например, в английской символике *роза* имеет отсутствующее в русском языке символическое значение 'молчание и тайна': И когда до нее дошли сведения о том, что во дворце графа Эссекса по вечерам собираются его друзья и, усевшись у стены, на которой была написана красками большая *роза* – символ молчания и соблюдения тайны, ведут там мятежные речи, она, никому не сказав ни слова, приняла меры (М. Морозов. Вильям Шекспир).

лилия, ласточка – ‘Богородица’ (церк.-слав., нар.-слав.); пояс – ‘дорога, путь через мифические и реальные преграды’ (нар.-слав.), солнце – ‘Новый Завет’ (церк.-слав.), ‘свет, тепло, жизнь’ (нар.-слав.); луна – ‘Ветхий Завет’ (церк.-слав.), ‘загробный мир’ (нар.-слав.) и др.

3.2.1.3.4. Синкретичность когнитивно-прагматического значения

$$(\Phi : C_c = A(D_i + S_i + S_{2(+/-)}))$$

Е.М. Вольф отмечает, что прагматический аспект высказывания тесно связан «с семантикой оценочной структуры и образует с ней амальгамированные конструкции, где прагматический и семантический факторы не всегда легко разделить ... *Дорога оказалась ухабистой и каменистой*. Здесь речь идет о свойствах дороги, но, кроме того, ей дается оценка “плохо”» [Вольф 1985: 13]. В.Н. Телия пишет, что «модальность, входящая в содержание коннотации, создает двуплановость высказываний, включающих слова, за которыми данная модальность закреплена» [Телия 1986: 28].

Коннотативные значения называют также «созначениями» / «добавлениями» / «добавочными» значениями и т. п. (чем имплицитно указывают на их синкретичность), отмечая среди видов / компонентов коннотативного значения оценочность, экспрессивность, эмоциональность, образность, стилистическое значение и др. [Комлев 1969; Телия 1986; Лукьянова 1986; Шаховский 1987; Кругликова 1988: 20–62; Алефиренко 2005: 161–173]. Мы понимаем коннотацию (прагматическое значение) в узком смысле, включая в это понятие выражение эмоционального / рационального мелиоративного / пейоративного отношения говорящего к предмету сообщения, исключая из него экспрессивность / интенсивность (как выражение значения ‘очень’, то есть как проявление не качественного, а количественного отношения, входящего, на наш взгляд, в когнитивное значение), а также функционально-стилистическую характеристику, относящуюся не к семасиологической, а к социолингвистической сфере, хотя функционально-стилистическая характеристика, безусловно, в большинстве случаев сопровождает прагматическое значение.

Синкретичные «амальгамы» представлены в выделяющихся по характеру коммуникативной функции нерасчлененных когнитивно-прагматических значениях (в другой терминологии – информативно-прагматических, денотативно-коннотативных, дескриптивно-коннотативных значениях и под. [Киселева 1978: 90]), связанных с одним денотатом, но двумя «разноплановыми» с и г н и ф и к а т а м и: когнитивным (предметно-логическим) и прагматическим (выражающим эмоциональное / рациональное и/или мелиоративное / пейоративное отношение говорящего к предмету сообщения). Например: *голословный* – ‘не подтвержденный доказательствами или фактами’ + ‘это плохо’²⁹, *даровитый* – ‘обладающий дарованием, талантом’ + ‘это хорошо’, *доподлинный* – ‘точный, верный’ + ‘это хорошо’, *верховодить* – ‘распоряжаться, руководить, заставляя подчиняться своей воле’ + ‘это плохо’, *плестись* – ‘медленно идти’ + ‘это плохо’ и др.

Данные (и подобные) синкретичные лексические значения выявляются, с одной стороны, на фоне чисто дескриптивных значений (связанных с одним когнитивным сигнификатом), которыми обладают слова-термины (например, в математике – «треугольник», «число», «интеграл», в философии – «эпистемология», «догма», «ипостасность») и лексические единицы, выражающие прямое значение (*баланс, всегда, двузначный, три, перрон, сейчас* и т. п.), с другой стороны, – при сопоставлении с чисто прагматическими значениями (связанными с одним прагматическим сигнификатом), которыми обладают междометия (*фи, фу, ах, ох, ой, увy*) и эмоционально-оценочные слова (*великолепный, красота, прелесть, чудесный; отвратительный, скверный, мерзкий, гадость, такой-сякой* и т. д.).

²⁹ Пример И.А. Стернина, который для определения того, где находится эмоционально-оценочная характеристика: в когнитивном или коннотативном содержании лексической единицы, предлагает использовать прием подстановки выражения ‘и это хорошо / плохо’.

3.2.1.3.5. Синкретичность значений имен концептов³⁰

$$(\Phi : C_c = A(D_1 + S_1 + S_2 + S_3 \dots))$$

«Дописьменной историей концепта», по выражению Ю.С. Степанова, является этимон, представляющий собой инвариант означаемого в диахронии, а конечной формой развития этимона и, соответственно, предельной формой развития концеп-

³⁰ Следует указать на дискуссионность термина «концепт», принадлежащего популярному в последние годы когнитивному / концептологическому направлению в лингвистике. Нельзя не согласиться с И.Б. Левонтиной, которая, отмечая, что «современная семантика уже довольно много знает о смысле языковых выражений, и рутинное семантическое описание бывает подчас более концептуальным, чем “концептологический” анализ», в качестве основной проблемы, связанной «с большей частью концептологических исследований», называет «ускользание» предмета изучения [Левонтина 2008: 126, 124], что объясняется, безусловно, и «ускользанием» («размытостью») содержания понятия *концепт*. Не ставя цели обозреть все многообразие предложенных дефиниций (в рамках логики, семиотики, психолингвистики, культурологии и др.), обозначим только основные подходы к трактовке данного термина с лингвистической точки зрения (см. также [М.Вас. Пименова 2007: 11–12; 2009: 198–201]).

Концепт (*conceptus* – ‘суждение, понятие, представление (о предмете)’ рассматривается, во-первых, как часть классической сенсуалистской схемы «предмет – ощущение – восприятие – представление – понятие», эксплицирующей этапы чувственно-практической (со-зерцание) и логической (абстрактной) деятельности мышления человека: а) концепт – представление (или «общее представление» как один из видов концепта [Аскольдов 1997: 268]); б) концепт – понятие [Гак 1990: 38; Аскольдов 1997: 268; Арутюнова 1999: 293]; в) концепт – образ, идея, символ [Пименова М. Вл. 2007: 14]; г) концепт – единица мышления, мысль [Чесноков 1967: 37; Никитин 1988: 165; Кубрякова и др. 1996: 90; Аскольдов 1997: 269; Попова, Стернин 2007: 24].

Во-вторых, концепт исследуется как означаемое в составе модели «семантического треугольника» (Г. Фреге, Ч. Огден и А. Ричардс, Г. Стерн, Ч. Моррис, С. Ульман, Г. Клаус, Л. Тондл, К. Хегер и др.) / «семантического квадрата / трапеции» (Г. Бланке, К. Бюлер, Л.А. Новиков) [Колесов 2003: 431–445; Кобозева 2009: 44–49]: а) концепт – «алгебраическое» выражение значения, инвариант значения [Лихачев 1997: 281, 283; Рахилина 2000: 281]; б) концепт – смысл (интенционал, содержание понятия, «термин концепт становится синонимичным термину *смысл*») [Степанов 1995: 42].

В-третьих, концепт анализируется как синтез означаемого (значения и понятия), означаемого (языкового знака) и обозначаемого (денотата и референта): а) концепт – это этимон слова (*conceptum* – ‘зародыш, зерно’, «исходная точка семантического наполнения слова» [Колесов 1992: 36]); б) концепт – слово-концепт, «ключевые слова» [Вежицкая 1996: 31; 2001: 35–36]).

Кроме того, при дефиниции концепта исследователи используют метафорические образы, например: «Концепты – это *почки* сложнейших *соцветий* мысленных конкретностей», «*туманное нечто*» [Аскольдов 1997: 272, 268]; «...соответствующие концепты как бы *парят* над их материальным и над их чисто духовным проявлениями, вполне реализуясь лишь в совокупности тех и других» [Степанов 1995: 18]; «концепт – это как бы *сгусток культуры* в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1997: 40] (выделено нами. – М. П.).

Мы полагаем, что определения, отождествляющие концепт с той или иной единицей (представлением, понятием, образом, идеей, символом, значением, смыслом, этимоном, словом и др.), а также эксплицирующие его при помощи образно-метафорического выражения (*почки, соцветия, сгусток культуры, парят* и под.), не дают представления о месте данного феномена в языковой системе.

С лингвистической точки зрения концепт по своей сути является инвариантом означаемого, единицей эмического (абстрактного) уровня (сопоставимой с фонемой, морфемой, лексемой, синтаксемой), которая на этическом (конкретном) уровне материально реализуется в лексических значениях, сигнификатах – интенционалах и экстенционалах, внутренних формах слов – способах представления внеязыкового содержания (подобно тому, как фонема реализуется в звуках / аллофонах, морфема – в морфах / алломорфах, лексема – в словоформах и лексико-семантических вариантах, синтаксема – в синтагмах / предложениях и др.). Нам представляется, что данная трактовка при всей своей очевидности «примиряет» большинство предложенных определений (примиряя также сторонников «революционной» когнитивистики и «устоявшихся» / традиционных лингвистических направлений), «снимая» необходимость все новых и новых дефиниций «ускользающего» термина («размытость» которого объясняется прежде всего его эмическим характером).

та – интересующее нас в связи с его синкретичным значением слово-концепт (имя концепта, ключевое слово/идея), грамматически представленное, как правило, абстрактным именем существительным³¹. Приведем примеры имен концептов, привлекавших внимание исследователей: *благо, вера, верность и предательство, вечность, вина, воля, время и пора, грех, грусть, действие, добро, долг, дружба, дух, душа, жалость, жизнь и смерть, закон и беззаконие, забвение, задумчивость, зло, знание, истина, красота, личность, ложь, любовь, меланхолия, милосердие, мир, мысль, надежда, нравственность, обязанность, печаль, победа и поражение, порядок, правда, причина, радость и удовольствие, родина, свет и тьма, свобода, скромность, слава и позор, слово, совесть, страх, стыд, свое и чужое, судьба, счастье и наслаждение, терпение, творчество, тоска, удаля, уныние, успех, чистота* и т. д. [ЛАЯ 1991; 1997; 2000; 2004; Вежбицкая 1996; Степанов 1997; АК 2004–2008; Зализняк и др. 2005 и т. д.].

Имена концептов (подобно этимонам, но на другом уровне развития языка) выражают «концептуальное» синкретичное значение (воспринимаемое как семантически «размытое», «интеллектуально полное» [Чернейко 1997: 118]), которое отличается не фиксирующимся в толковых словарях национально-культурным «лексическим фоном»³² (по терминологии Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова), соответствующим кумулятивной (накопительной) функции языка [Верещагин, Костомаров 1983: 56–59].

Синкретичное значение имени концепта связано с одним абстрактным («эмпирически пустым» [Чернейко 1997: 118]) денотатом, но несколькими нерасчлененными сигнификатами, фиксирующими, по определению Л.О. Чернейко, «единое во многом» – категории (*материя, пространство, причина*), «единое как возможность для многого» – параметры (*качество, свойство*), «единое как идеал для многого» – этические и эстетические нормы (*добро, справедливость, красота*), то есть «вечное и неподвижное в преходящем» [Чернейко 1997: 119]. Связь значений имен концептов с несколькими понятиями частично отражается в лексикографических дефинициях. Ср. у С.И. Ожегова: *красота* – ‘совокупность качеств, доставляющих наслаждение взору, слуху; все красивое, прекрасное’ (параметры мелиоративной эстетической оценки, то есть положительного отношения субъекта оценки к объективной ценности с точки зрения существующего национального представления о красоте + объекты окружающей действительности, обладающие признаками, которые соответствуют параметрам / нормам эстетической оценки); *дух* – ‘сознание, мышление, психические способности, то, что побуждает к действиям, к деятельности, начало,

³¹ В.В. Колесов отмечает, что «концепт как сущностный признак словесного знака грамматически может быть представлен (главным образом) в виде имени, выражающего обобщенный признак» [Колесов 1999: 158]. Как указывает Л.О. Чернейко, абстрактное имя – предикат идей, которое, «квантуя идеальный континуальный мир, измеряет его, придавая ему формы» [Чернейко 1997: 118].

³² Национально-культурный «лексический фон» изучают через выявление всех имеющихся вербальных воплощений (реализаций, репрезентаций) концепта в диахронии / синхронии (чему эксплицитно / имплицитно посвящена большая часть концептологических работ), и что достигается при помощи целого ряда последовательных этапов анализа (представленных в исследованиях с той или иной степенью полноты и адекватности): 1) определение этимона; 2) изучение словообразовательного гнезда / корневой группы, то есть группы слов, образованных от данного этимона; 3) анализ основных употреблений производных слов в диахронии (то есть выявление эпидигматических связей имени концепта); 4) исследование лексикографических дефиниций имени концепта в синхронии; 5) рассмотрение основных употреблений данных слов на синхронном уровне (то есть выявление синтагматических связей); 6) выявление парадигматических связей анализируемого имени концепта (синонимические / антонимические ряды, лексико-семантические и тематические группы, семантические поля и др.); 7) сопоставление данного имени концепта с аналогичным (или близким) словом-концептом в других языках; 8) проведение психолингвистического / ассоциативного эксперимента и под.

определяющее поведение, действия' (нематериальное начало в человеке (сознание + мышление + психические способности) + его проявления в различных сферах человеческой деятельности и отношениях между людьми) и под. По определению В.И. Даля, дух «слитно» образуют ум и нрав, причем ко нраву он относит (как понятия подчиненные) волю, любовь, милосердие, страсти, а к уму – разум, рассудок, память [Даль 1881/1955: 558].

3.2.1.3.6. Синкретичность значений слов-гиперонимов ($\Phi : C_c = A(D_1 + D_2 + D_3 \dots + S_1)$)

Общеизвестно, что особенностью гипонимии является логико-семантическая субординация, иерархичность, при которой «гипероним подчиняет себе слова, значение которых он в себя включает, последние, в свою очередь, все вместе соподчинены “включающему” слову» [Белоусова 1997: 81], которое может обозначать, во-первых, ‘ВИД предметов/существ’ (*птица, животное, насекомое, растение, дерево, цветок* и т. д.), во-вторых, ‘предметы различных ВИДОВ’ (*мебель, посуда, одежда, обувь* и т. п.) [Вежбицкая 1996: 209–211]³³. Значения гиперонимов связаны с одним сигнификатом, но с несколькими / многими денотатами (нерасчлененным множеством конкретных денотатов), что проявляется в ряде случаев в лексикографическом способе толкования значения гиперонима через гипонимы. Например: *мебель* – ‘предметы комнатной обстановки (столы, стулья, диваны и т. п.)’, *насекомое* – ‘маленькое беспозвоночное членистоногое животное (муха, пчела, муравей, клоп и др.)’.

3.2.2. Синкретичная (аналитическая) форма ($\Phi_1 + \Phi_2 : C$)

Синкретичная (аналитическая) форма, при которой одно означаемое выражается двумя / более означающими, представлена фразеологизмами различных типов и видов (например: ‘опытный человек’ – *тертый калач, стреляный воробей*, ‘вдруг, без видимой причины’ – *с бухты-барахты*, ‘не сумеет разобраться в чем-нибудь простом’ – *заблудиться в трех соснах*, ‘мучительно тяжелая жизнь’ – *ад крошечный*; ‘напрасный призыв к чему-либо, остающийся без ответа’ – *глас вопиющего в пустыне* и др.³⁴), образность значения которых чаще всего «...основывается на одновременном осознании их прямого значения *тянуть лямку, без царя в голове*» [Чесноков 2001: 18]. А.В. Жуков полагает, что фразеологизмы отличаются «синтечностью», лексико-синтаксической «гибридностью», проявляющейся «...в противоречивом совмещении признаков и свойств разнокачественных единиц в плане содержания и в плане выражения» [Жуков 1996: 16]³⁵.

4. «РАЗРЕШИМЫЙ» / «НЕРАЗРЕШИМЫЙ» СИНКРЕТИЗМ И АСИММЕТРИЯ

Необходимо отметить, что в сильной позиции синкретизм асимметрии формально-содержательной языковой структуры в большинстве случаев «снимается» (устраняется), или «разрешается», в пользу языковой симметрии (одно означающее – одно означаемое)³⁶, хотя имеются и случаи «неразрешимого» синкретизма, причем невозможность «разрешения» отличает собственно синкретизм от довольно часто отождествляемых с ним смежных явлений формально-содержательной языковой асимметрии (начиная с

³³ Выделение прописными буквами А. Вежбицкой.

³⁴ Здесь и далее значения фразеологических единиц приводятся по [ФСРЯ 1987].

³⁵ Данный тип асимметрии детально представлен в [Кунин 1988].

³⁶ См. о разрешимом / неразрешимом синкретизме в [Hjelmslev 1943/1960: 347–348].

работ Л. Ельмслева)³⁷ – нейтрализации, омонимии, полисемии, депонентности и под. [Martinet 1968/1969; Журавлев 1990; Baerman et al. 2007 (рец. [Аркадьев 2009]).

Например, «неразрешимым» синкретизмом на морфологическом уровне отличается «сложное значение» (или «комплекс идей» – Е.Д. Поливанов, или синтетосемия ‘сложнозначность’ – Ю.С. Маслов). Так, в грамматическое значение флексии -ы (*жены, воды, страны*) нерасчлененно входят следующие «идеи»: «1) идея падежа, именно – родительного, 2) идея единственного числа, 3) представление женского грамматического рода, 4) представление категории существительных» [Поливанов 1934: 42; Маслов 1987: 235]. На синтаксическом уровне остаются «асимметричными» случаи так называемого «неразрешимого» синкретизма членов предложения, например, в синтаксеме *торговля книгами* синкретичный второстепенный член находится «в слабой позиции полной нейтрализации различий между инвариантами определения и дополнения» [Фурашов 2004: 176].

Рассмотрим явления разрешимого / неразрешимого синкретизма на интересующем нас лексико-семантическом уровне.

4.1. «Разрешимый» синкретизм

Не вызывает сомнений, что все виды асимметрии парадигматического плана – прежде всего полисемия и омонимия (включая подвиды и непродуктивные разновидности) – «разрешаются» в сильной позиции в связи с взаимодействием знаков внутри высказывания [Новиков 1982: 172]. Например: *красивый человек* – ‘приятный внешним видом’, *красивый поступок* – ‘высоконравственный’, *красивый жест* – ‘эффектный, но бессодержательный’ («разрешенная» полисемия); *иллюстрировать книгу* – ‘снабжать поясняющими рисунками’, *иллюстрировать свою мысль примером* – ‘пояснять чем-н. наглядным, конкретным’ («разрешенная» дисемия); *текущие дела* – ‘работа, занятие, деятельность’, *это наше дело* – ‘круг ведения’, *дело есть до вас* – ‘надобность, нужда’, *говорить дело* – ‘нечто важное, нужное (разг.)’ («разрешенная» эврисемия); *прослушать курс лекций* – ‘выслушать от начала до конца’, *отвлекся и прослушал объяснения учителя* – ‘слушая, не воспринял, не услышал’ («разрешенная» энантиосемия); *малярная кисть* – ‘пучок щетины на рукоятке для нанесения краски на что-н.’, *узкая в кисти рука* – ‘часть руки от запястья до конца пальцев’ («разрешенная» омонимия) и т. д.

Частичная синонимия «разрешается» в сильной позиции, снимающей нейтрализацию означающих, ср.: *Кругом царила тишина / молчание*, но! Между ними длилось *молчание* (‘отсутствие произносимых звуков’), не *Между ними длилась *тишина* (‘отсутствие звуков’) [Шмелев 1973: 128]; *погасить / задуть свечу*, но! *погасить свет* (‘прекратить горение’), не **задуть свет* (‘дунув, прекратить горение’) [Новиков 1982: 233]; *пустой / порожний стакан* <бочка, ведро, корзина и др.>, не **порожний шкаф* <колодец>, **порожний* лимузин и т. д. [НОСС 1999: 299]; *уличить в/во лжи, неправде, вранье / обмане*, но! Ты там был? – Нет – *Неправда* <ложь, вранье>, не * Ты там был? – Нет – *Обман!* [НОСС 2000: 224].

³⁷ А. Мартине указывает, что Л. Ельмслев смешивает синкретизм и нейтрализацию, «обозначая их одним термином синкретизм, который для него имел преимущества перед термином нейтрализация, так как указывал на его расхождение с пражской фонологией» (разрядка автора [Martinet 1968/1969: 109]). Д.Н. Шмелев отмечает, что «самый характер произведенного Л. Ельмслевом сопоставления явился причиной многих дальнейших противоречий в оценке понятия нейтрализации за пределами фонологических явлений» [Шмелев 1973: 121]. В.И. Фурашов обращает внимание на то, что Л. Ельмслев «под синкретизмом понимает три разных феномена: 1) омонимию грамматических форм (совпадение форм именительного и винительного падежей единственного числа у существительных среднего рода в латинском и немецком языках), 2) лексическую полисемию (пример многозначности слова *лиса*) и 3) нейтрализацию фонем в слабых позициях (пример с датским словом *top*)» [Фурашов 2004: 167].

Асимметрия «экстралингвистической» омонимии и вариантности / дублетности безоговорочно «разрешается» в речи/на письме, поскольку говорящий / пишущий, выбирая сферу употребления и/или функциональный стиль, «вынужден» использовать тот или иной конкретный вариант / дублет.

Асимметрия синтагматического плана «разрешается» в первых двух типах рассмотренных выше лексико-семантических явлений, то есть, во-первых, при синкретизме двух значений многозначного слова (как ненамеренном, так и намеренном, каламбурном); во-вторых, при синкретизме одного значения («речевой многозначности»). Во всех этих случаях речь идет об употребленном в конкретной ситуации речевого общения позиционном актуальном значении, не фиксирующемся в словарях, которое в сильной позиции при определенном / достаточном контексте «разрешается» (утрачивается).

Например: (ненамеренный синкретизм двух значений многозначного слова) *обивка кресла* ('действие' и 'покрытие'); ср.: («разрешенный» синкретизм) *тщательная обивка кресла* – 'действие', *яркая обивка кресла* – 'покрытие'; (намеренный / каламбурный синкретизм двух значений многозначного слова) *бескорыстный человек: защищал чужую диссертацию* (Э. Кроткий); ср.: («разрешенный» синкретизм): *успешно защитит диссертацию* ('публично отстоять положения своей работы в официальном ученом собрании'), *защитит диссертацию от нападок оппонентов* ('отстоять перед чьей-н. критикой, возражениями'); (речевая многозначность) *Иван упал* ('намеренное / ненамеренное действие'); ср.: («разрешенный» синкретизм): *Иван упал на колени: «Прости меня!»* ('намеренное действие'), *Иван поскользнулся и упал* ('ненамеренное действие') и под. (см. также примеры в разделах 3.2.1.1.2 и 3.2.1.2.1).

Что касается синкретичного значения при «несостоявшейся полисемии» (типа *гаснуть* = 'переставать гореть или светить' при одновременной реализации 'В и С' – раздел 3.2.1.2.2), то данная (включительно-дизъюнктивная, или моносемичная) организация значения отражает некоторую неопределенность значения ЛСВ в системе языка (то есть относительно актуализованное значение), фиксируясь, как правило, в словарях, хотя нормативными (и более частотными) являются «различительные» контексты (*Дрова погасли* – 'прекращение горения', *Лампы погасли* – 'прекращение свечения' [Апресян 1974: 186]).

Кроме того, «переходным» между позиционным актуальным и относительно актуализованным значением обладают лексические единицы пяти типов регулярной полисемии, допускающей некаламбурное (обыденное) совмещение («склеивание») двух разных значений многозначного слова: 'часть тела' – 'ее типовая функция', 'место' – 'его обитатели', 'информация' – 'физический носитель информации' и т. д. (см. раздел 3.2.1.1.2).

4.2. «Неразрешимый» синкретизм

На лексико-семантическом уровне не «разрешаются» представленные выше (раздел 3.2.1.3) синкретичные (качественно «сложные») значения различных видов, которые в отличие от случаев «разрешимого» синкретизма являются узualьными, связанными с некоторым классом регулярных употреблений и, как правило, фиксирующимися в словарях (за исключением значений «живой» метонимии, узualьность которой основана на регулярности употребления типов переноса по смежности, а не регулярности значения как такового). Синкретизм данных значений возникает в различных «плоскостях»: во-первых, в эпидигматической плоскости – производные / вторичные (метафорические, метонимические, символические) значения, которые возникают / воспринимаются / существуют только на фоне прямых (непроизводных) и связаны с ними лингвистическими и/или экстралингвистическими связями, во-вторых, в парадигматической плоскости – значения слов-гиперонимов, являющихся «вершинами» иерархической организации лексики, в-третьих, в прагматической плоскости – когнитивно-прагматические значения, синтезирующие указание на дено-

тат с его оценкой, в-четвертых, в концептуальной плоскости – синкретичные значения имен концептов, аккумулирующие в своем «лексическом фоне» национальную ментальность. Кроме того, не «разрешается» узуальная синкретичная форма фразеологизмов, объединенная одним означаемым (раздел 3.2.2), поскольку «разрешение» в данном случае эквивалентно «разрушению» как формы, так и содержания.

5. СИНКРЕТСЕМИЯ КАК ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Узуальные явления «неразрешимого» синкретизма образуют, как мы полагаем, особую лексико-семантическую категорию – «синкретсемию» (от греч. συνκρητισμός – «соединение, объединение, связывание» и σῆμα – «знак, признак, знамение, сигнал»)³⁸, объединяющую лексические единицы, общим свойством которых является «качественный» дифференциальный признак (указывающий на качество означаемых / означающих), выявляющийся на синтагматическом уровне: наличие синкретичного (нерасчлененного) означаемого или синкретичного (нерасчлененного) означающего.

«Качественным» дифференциальным признаком синкретсемии отличается от общеизвестных лексико-семантических категорий – полисемии (а также ее «крайних» вариантов – дисемии, эврисемии) и моносемии, которые выделяются и разграничиваются на основе «количественного» дифференциального признака, проявляющегося на парадигматическом уровне – количество значений (несколько/два/много означаемых и одно означающее).

Полисемия и омонимия, фразеологизм и свободное словосочетание выделяются и разграничиваются на эпидигматическом уровне: наличие ассоциативно-когнитивной связи между означаемыми у полисеманта и устойчивой лексико-грамматической связи между означающими у фразеологической единицы противопоставляется ее разрыву / отсутствию у омонимов и компонентов свободных словосочетаний.

5.1. Основные типы и виды синкретсемии

В связи с представленными синкретичными лексико-семантическими явлениями (примеры см. выше) можно условно выделить три типа синкретсемии: «содержательную», «формальную» и «содержательно-формальную».

При «содержательной» синкретсемии форма одного слова (одна лексема – синкрета) выражает семантическое отношение двух / нескольких генетически связанных значений (семем), сосуществующих в языке и одновременно актуализирующихся в речи (одно синкретичное значение – два / несколько сигнификатов и/или денотатов). Данный тип синкретсемии в свою очередь включает в себя несколько видов.

Первый вид «содержательной» синкретсемии – это денотативно-сигнификативная синкретсемия, при которой синкретичное значение связано одновременно с двумя сигнификатами и двумя денотатами. К этому виду относятся вторичные в плане эпидигматики метафорические, метонимические, символические значения.

Второй вид «содержательной» синкретсемии – это сигнификативная синкретсемия, при которой синкретичное значение связано одновременно с двумя / несколькими сигнификатами, но одним денотатом. Данный вид синкретсемии представлен, во-первых, в «амальгамных» когнитивно-прагматических значениях, во-вторых, в концептуально синкретичных значениях имен-концептов.

³⁸ Предлагаемый нами термин образован по аналогии с наименованиями основных лексико-семантических категорий: πολὺς ‘многий’ (полисемия – ‘многозначность’), μόνος ‘один, единственный’ (моносемия – ‘однозначность’), δύο ‘два’ (дисемия – ‘двузначность’), εὐρύς ‘ширина’ (эврисемия – ‘широкозначность’), ἐναντίος ‘противоположный’ (энантисемия – ‘противоположность значений’).

Третий вид «содержательной» синкретсемии – денотативная синкретсемия (связь синкретичного значения одновременно с несколькими / многими денотатами) представлен в гиперонимах, значение которых, связанное с одним сигнификатом, предполагает нерасчлененное множество конкретных денотатов.

Второй тип синкретсемии – это «формальная», или структурно-синтагматическая «синкретсемия» (последний термин указывает на то, что данный тип синкретсемии реализуется при линейном, одновременном, соотношении компонентов, представляющих собой относительно устойчивую структуру), при которой одно целостное значение (одна семема) выражается узуально закрепленными в языке формами двух / нескольких лексико-грамматически связанных слов – двумя / несколькими лексемами (два и более означающих выражают одно синкретичное значение, связанное с одним сигнификатом и одним денотатом). Данный тип синкретсемии представлен ядерными фразеологическими единицами – *сращениями* (*бить баклуши* – ‘бездельничать’, *вешать лапшу на уши* – ‘обманывать’, *дать стрекача* – ‘убежать’).

Третий тип синкретсемии – «формально-содержательная» синкретсемия, при которой выражающие одно синкретичное значение два и более означающих связаны с двумя / несколькими сигнификатами и денотатами. Во-первых, это денотативно-сигнификативная синкретсемия фразеологических единств, сохраняющих связь со свободными (буквальными) значениями (номинальный денотат уподобляется реальному), например: *наломать дров* – ‘наделать грубых ошибок’, *плыть по течению* – ‘действовать, поступать так, как вынуждают обстоятельства’, *белая ворона* – ‘человек, резко выделяющийся среди окружающих его людей’. Во-вторых, это сигнификативная синкретсемия фразеологических сочетаний (*закадычный друг* – ‘близкий, душевный друг’, *расквасить лоб (колени, нос, губы)* – ‘разбить до крови (какую-либо часть лица)’, *щекотливый вопрос (дело, обстоятельство, положение)* – ‘требующий большой осмотрительности, осторожного и тактичного отношения; деликатный’).

5.2. Синкретсемия и моносемия

Необходимо отметить, что синкретичными могут быть не только значения многозначных слов и значения слов-омонимов, но и значения однозначных слов, несмотря на то, что моносемия традиционно связывается с формально-содержательной языковой симметрией (одно означающее – одно означаемое).

Чаше других у моносемичной лексики фиксируются когнитивно-прагматические значения (сигнификативная синкретсемия), например: *бравада* ‘показная удалость, бесцельно-дерзкая рисовка’, *вострушка* ‘живая, бойкая девочка, девушка’, *довоеваться* ‘воюя, потерпеть неудачу’, *дожить* ‘дойти до какого-н. плохого, унижительного и т. п. состояния’, *допотопный* ‘устарелый, старомодный, отсталый’, *драный* ‘изношенный, изорванный’, *драться* ‘убегать, улепетывать’, *лакействовать* ‘быть подхалимом, раболепствовать’, *худышка* ‘исхудалый, хилый ребенок, женщина’, *цаца* ‘тот, кто важничает, много воображает о себе’ и под.

Однозначные слова-гиперонимы (денотативная синкретсемия) встречаются значительно реже (например, *мебель, обувь, растение, насекомое*). Что касается переносных значений (денотативно-сигнификативная синкретсемия), то они в принципе невозможны у однозначной лексики (поскольку переносное значение ощущается только на фоне прямого значения), однако иногда словари указывают переносное значение как оттенок значения моносемичной лексики, например: *гадюка* ‘ядовитая змея с плоской треугольной головой. Не женщина, а гадюка (перен.)’.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить, что для лексико-семантической системы синкретизм является конституирующим явлением, предопределяющим развитие лексического значения не по прямой линии (от простого к сложному, от прозаического к образному

и поэтичному [Потебня 1968: 217]³⁹, от конкретного к абстрактному [Шмелев 1977: 110; Будагов 2004: 14] и т. д.), а по спирали⁴⁰, причем вначале спираль-пружина сжата до плоского состояния в слове-синкрете – этимоне («дописьменном» концепте), значение которого нерасчлененно содержит и конкретное, и абстрактное, и символическое, и образное понятия (с и г н и ф и к а т и в н а я с и н к р е т с е м и я; например: *свѣтъ* – ‘цветение жизни’: красота, любовь, веселье; ‘святость’: истинность, праведность, миропорядок⁴¹).

Затем происходит трансформация семантического синкретизма (осуществляющаяся параллельно со сменой отдельных фаз в развитии мышления), которая приводит к растяжению семантической «пружины» и к сужению-конкретизации синкретичного значения одновременно с расширением его лексического выражения при помощи основанных на метонимии минимальных единиц древнерусского текста (с т р у к т у р н о - с и н т а г м а т и ч е с к а я с и н к р е т с е м и я; например: *светлый свет, красотой украси, золотом золотить, красота и лѣпота, радость и веселье, краса-баса, свѣтяще ся яко сѣльце* и под.).

Начиная с XIV–XV вв. наблюдается интенсивное образование производных слов от этимона-инварианта и постепенное закрепление за ними (в XVI–XVII вв.) того или иного компонента первоначально синкретичного значения (расчленение синкретизма; например: *свѣтозрачныи, свѣтлошумныи, свѣтлоукрашение, освѣтляти, освѣщати, усвѣтити, просвѣщати, красноличьныи, благокрасныи, красогласование, красивѣ, прѣкрасныи, оукрашение, преоукрашение, безкрасие, некрасота, красѣба, украшати, преоукрашати, преоукрашено* и др.). В текстах «стиля плетения словес» присутствует метафорическое сравнение, являющееся основой метафоры как одного из основных способов создания переносных значений (д е н о т а т и в н о - с и г н и ф и к а т и в н а я с и н к р е т с е м и я).

В XVII–XVIII вв. происходит формирование родовых понятий – гиперонимов, которые «вбирают» в себя ряды производных единиц (д е н о т а т и в н а я с и н к р е т с е м и я), а также завершается образование основных ключевых слов, имен концептов (с и г н и ф и к а т и в н а я с и н к р е т с е м и я).

В современном русском языке (на новом «витке» истории, на новом уровне развития) разнообразные семасиологические категории (моносемия, полисемия, омонимия, синкретсемия различных типов и видов) сосуществуют, по образному выражению Л.С. Выготского, «как в земной коре сосуществуют напластования самых различных геологических эпох» [Выготский 1956: 204].

Синкретизм как выражение формально-содержательной языковой асимметрии представляет собой о б ъ е к т и в н о с языковое явление, а не языковой «изъян» / «недостаток» (по словам А. Мартине), который «усложняет функционирование языка» [Martinet 1968/1969: 102]). Синкретизм, как и асимметрия, – «явление вечное и универсальное», «важнейший компонент языковой системы» [Гак 1998: 123], главный мотив языковой эволюции⁴² [Трубачев 2003: 65], поскольку благодаря «...асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать: адекватная позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к потребностям конкретной ситуации» [Karcevskij 1929/1965: 89].

³⁹ Как писал А.А. Потебня, «это – взгляд потомка, которому свой образ мысли, своя обстановка кажутся так естественны, что уровень мысли и обычая предков он готов считать (и действительно считает, как некоторые ученые – мифы) неправильным, болезненным отклонением от этой естественности» [Потебня 1968: 217].

⁴⁰ Подробнее см. [М.Вас. Пименова 2007].

⁴¹ Основные этапы развития значения представлены на материале лексики эстетической оценки.

⁴² Асимметрия рассматривается как фундаментальное условие эволюции в одной из наиболее популярных в наши дни междисциплинарных теорий самоорганизации систем – с и н е р г е т и к е [Князева, Курдюмов 2005: 149].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко 2005 – Н.Ф. Алефиренко. Спорные проблемы семантики. М., 2005.
- Амосова 1963 – Н.Н. Амосова. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
- АК 2004–2008 – Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1–6. Волгоград, 2004–2008.
- Апресян 1974 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Аркадьев 2004 – П.М. Аркадьев. [Рец.:] G.T. Stump. Inflectional morphology. A theory of paradigm structure. [Cambridge studies in linguistics. V. 93]. Cambridge, 2001 // ВЯ. 2004. № 2.
- Аркадьев 2006а – П.М. Аркадьев. [Рец.:] G. Müller, L. Gunrel, G. Zifonun (eds.). Explorations in nominal inflection. Berlin, 2004 // ВЯ. 2006. № 4.
- Аркадьев 2006б – П.М. Аркадьев. [Рец.:] M. Baerman, D. Brown, G.G. Corbett. The syntax-morphology interface. A study of syncretism. Cambridge, 2005 // ВЯ. 2006. № 5.
- Аркадьев 2009 – П.М. Аркадьев. [Рец.:] M. Baerman, G.G. Corbett, D. Brown, A. Hippisley (eds.). Deponency and morphological mismatches. Oxford, 2007 // ВЯ. 2009. № 3.
- Арутюнова 1968 – Н.Д. Арутюнова. О значимых единицах языка // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
- Арутюнова 1990 – Н.Д. Арутюнова. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
- Арутюнова 1997 – Н.Д. Арутюнова. Метафора // Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
- Арутюнова 1999 – Н.Д. Арутюнова. Язык и мир человека. М., 1999.
- Аскольдов 1997 – С.А. Аскольдов. Концепт и слово // Русская словесность: Антология. М., 1997.
- Афанасьев 1865/1994 – А.Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1994.
- Ахманова 1955 – О.С. Ахманова. О понятии «изоморфизма» лингвистических категорий (В связи с вопросом о методе лексикологического исследования) // ВЯ. 1955. № 3.
- Ахманова 1966 – О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Бабайцева 1967 – В.В. Бабайцева. Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж, 1967.
- Бабайцева 1990 – В.В. Бабайцева. Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Бабайцева 2000 – В.В. Бабайцева. Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000.
- Баранов 2003 – В.А. Баранов. Формирование определительных категорий в истории русского языка. Казань, 2003.
- Баранов 2006 – В.А. Баранов. Грамматический синкретизм характеризующих имен в древнерусском языке // Грани русистики: Филологические этюды. Сб. к 70-летию проф. В.В. Колесова. СПб., 2007.
- Белоусова 1997 – А.С. Белоусова. Гипонимия // Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
- БПС 2004 – Большой психологический словарь. СПб.; М., 2004.
- БСЭ 1976 – Большая советская энциклопедия: В 30 т. М., 1976. Т. 23.
- Будагов 2004 – Р.А. Будагов. Что такое развитие и совершенствование языка? 2-е изд., доп. М., 2004.
- Васильев 1981 – Л.М. Васильев. Семантика русского глагола. М., 1981.
- Вежбицкая 1996 – А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Вежбицкая 2001 – А. Вежбицкая. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- Вейнрейх 1970 – У. Вейнрейх. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970.
- Верещагин, Костомаров 1983 – Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983.
- Веселовский 1913 – А.Н. Веселовский. Из истории эпитета // А.Н. Веселовский. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1913.
- Виноградов 1947 – В.В. Виноградов. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
- Виноградов 1953 – В.В. Виноградов. Основные типы лексических значений слов // ВЯ. 1953. № 5.
- Виноградов 1955/1975 – В.В. Виноградов. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

- Виноградов 1976 – В.В. Виноградов. Поэтика русской литературы. М., 1976.
- Вольф 1985 – Е.М. Вольф. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Выготский 1956 – Л.С. Выготский. Избранные психологические исследования: Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка. М., 1956.
- Гак 1990 – В.Г. Гак. Понятие // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Гак 1998 – В.Г. Гак. Использование идеи симметрии/асимметрии в лингвистике // В.Г. Гак. Языковые преобразования. М., 1998.
- Гемплер 2009 – М.А. Гемплер. Межкатегориальный синкретизм финитных форм спрягаемого глагола в современном немецком языке (с позиций идей Й.Л. Вайсгерберера): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2009.
- Граудина 1997 – Л.К. Граудина. Варианты языковые // Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
- Даль 1881/1955 – В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. 2-е изд. СПб., 1881 (М., 1955. Т. 2).
- Жирмунский 1946 – В.М. Жирмунский. Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении // ИАН СЛЯ. 1946. Т. 5. Вып. 2.
- Жуков 1996 – А.В. Жуков. Переходные фразеологические явления в русском языке. Новгород, 1996.
- Журавлев 1990 – В.К. Журавлев. Нейтрализация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Зализняк и др. 2005 – Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- Зализняк 2006 – Анна А. Зализняк. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Канунова 2004 – Р.С. Канунова. Говоры Владимирской области. Лексика. Владимир, 2004.
- Карсавин 1915 – Л.П. Карсавин. Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв. преимущественно в Италии. Пг., 1915.
- Кацнельсон 1986 – С.Д. Кацнельсон. Общее и психологическое языкознание. Л., 1986.
- Кацнельсон 2001 – С.Д. Кацнельсон. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М., 2001.
- Кезина 2005 – С.В. Кезина. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Пенза, 2005.
- Кессиди 1972 – Ф.Х. Кессиди. От мифа к логосу: становление греческой философии. М., 1972.
- Киселева 1978 – Л.А. Киселева. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.
- Князева, Курдюмов 2005 – Е.П. Князева, С.П. Курдюмов. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М., 2005.
- Кобозева 2009 – И.М. Кобозева. Лингвистическая семантика. 4-е изд. М., 2009.
- Ковтун 1971 – Л.С. Ковтун. О неясных семантических изменениях // ВЯ. 1971. № 5.
- Коготкова 1979 – Т.С. Коготкова. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М., 1979.
- Колесов 1991 – В.В. Колесов. Семантический синкретизм как категория языка // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1991. Вып. 2. № 9.
- Колесов 1992 – В.В. Колесов. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1992. Вып. 3. № 16.
- Колесов 1995 – В.В. Колесов. Символы в «Слове о полку Игореве» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. СПб., 1995.
- Колесов 1999 – В.В. Колесов. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999.
- Колесов 2003 – В.В. Колесов. «Семантический треугольник»: взгляд из лингвистического угла // В.В. Колесов. История русского языкознания. СПб., 2003.
- Колесов 2007 – В.В. Колесов. Реализм и номинализм в русской философии языка. СПб., 2007.
- Комлев 1969 – Н.Г. Комлев. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
- Комлев 1992 – Н.Г. Комлев. Слово в речи: денотативный аспект. М., 1992.
- Коротаева 1964 – Э.И. Коротаева. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.; Л., 1964.
- Кравченко 2000 – А.И. Кравченко. Культурология: Словарь. М., 2000.
- Кронгауз 2005 – М.А. Кронгауз. Семантика. 2-е изд. М., 2005.
- Кругликова 1988 – Л.Е. Кругликова. Структура лексического и фразеологического значения. М., 1988.
- Кубрякова 1978 – Е.С. Кубрякова. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.

- Кубрякова и др. 1996 – *Е.С. Кубрякова* и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кузнецова 1999 – *И.Е. Кузнецова*. Диффузность семантики диалектных глаголов эмоционального отношения // Очерки по исторической лексикологии русского языка: Памяти Ю.С. Сорокина. СПб., 1999.
- Кунин 1988 – *А.В. Кунин*. Асимметрия в сфере фразеологии // ВЯ. 1988. № 3.
- Курилович 1955 – *Е.Р. Курилович*. Заметки о значении слова // ВЯ. 1955. № 3.
- Ларин 1974 – *Б.А. Ларин*. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.
- Ларин 1975 – *Б.А. Ларин*. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). М., 1975.
- Ларин 1977 – *Б.А. Ларин*. История русского языка и общее языкознание: Избранные работы. М., 1977.
- ЛАЯ 1991 – Логический анализ языка: Культурные концепты / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1991.
- ЛАЯ 1997 – Логический анализ языка: Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1997.
- ЛАЯ 2000 – Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М., 2000.
- ЛАЯ 2004 – Логический анализ языка: Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2004.
- Левицкий 2006 – *В.В. Левицкий*. Семасиология. Винница, 2006.
- Левонтина 2008 – *И.Б. Левонтина*. Антология концептологии. [Рец.:] Антология концептов. Волгоград, 2004–2008 // ВЯ. 2008. № 4.
- Лихачев 1979 – *Д.С. Лихачев*. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979.
- Лихачев 1997 – *Д.С. Лихачев*. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. М., 1997.
- Лопутько 2001 – *О.П. Лопутько*. Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X–XV вв.). Новосибирск, 2001.
- Лотман 2001 – *Ю.М. Лотман*. Символ в системе культуры // Семиосфера. СПб., 2001.
- Лукиянова 1986 – *Н.А. Лукиянова*. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск, 1986.
- ЛЭТиП 2001 – Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.
- Макаров 1978 – *В.В. Макаров*. [Рец.:] *Р.А. Будагов*. Что такое развитие и совершенствование языка? М., 2004 // ФН. 1978. № 3.
- Маковский 1996 – *М.М. Маковский*. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.
- Маковский 2009 – *М.М. Маковский*. Индоевропейская этимология. М., 2009.
- Маркова 1993 – *Е.М. Маркова*. Синкретизм первоначального значения лексем как фактор эволюции лексической семантики // Русская историческая лексикология и лексикография. Красноярск, 1993.
- Марр 1924/2002 – *Н.Я. Марр*. Яфетидология. Жуковский; М., 2002.
- Маслов 1987 – *Ю.С. Маслов*. Введение в языкознание. М., 1987.
- Мельников 1971 – *Г.П. Мельников*. О типах дуализмов языкового знака // ФН. 1971. № 5.
- Мельников 1978 – *Г.П. Мельников*. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978.
- Мельчук 1974 – *И.А. Мельчук*. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.
- Мень 1993 – *А. Мень*. История религии. Т. 1–7. М., 1993. Т. 6.
- Мухин 1962 – *А.М. Мухин*. Понятие нейтрализации и функциональные лингвистические единицы // ВЯ. 1962. № 5.
- Немченко 1998 – *В.Н. Немченко*. Грамматическая вариантность слова в современном русском языке и литературная норма. Нижний Новгород, 1998.
- Никитин 1988 – *М.В. Никитин*. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
- Никитин 2005 – *М.В. Никитин*. Полисемия на пределе (широкозначность) // Язык. Человек. Общество. СПб.; Владимир, 2005.
- Николаева 1997 – *Т.М. Николаева*. «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста. «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. М., 1997.
- Новиков 1982 – *Л.А. Новиков*. Семантика русского языка. М., 1982.
- Новиков 1987 – *Л.А. Новиков*. Значение как эстетическая категория языка // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах: Виноградовские чтения XIV–XV. М., 1987.

- НОСС 1999 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. Вып. 1. 2-е изд. М., 1999.
- НОСС 2000 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. Вып. 2. М., 2000.
- Овсяннико-Куликовский 1912 – Д.Н. Овсяннико-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб., 1912.
- Ожегов 2007 – С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 2007.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Перцов 1994 – Н.В. Перцов. Лингвистические заметки о поэме А.С. Пушкина «Домик в Коломне» // Знак: Сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина. М., 1994.
- Перцов 1996 – Н.В. Перцов. О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Вып. 1: Спорное в лингвистике. М., 1996.
- Перцов 2001 – Н.В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
- Перцова 1988 – Н.Н. Перцова. Формализация толкования слова. М., 1988.
- Пешковский 1935 – А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1935.
- Пиккио 2003 – Р. Пиккио. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003.
- Пименова М.Вас. 2007 – М.Вас. Пименова. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир, 2007.
- Пименова М.Вас. 2009 – М.Вас. Пименова. Слово-концепт *красота* и русская ментальность // Ментальность и изменяющийся мир: К 75-летию В.В. Колесова. Севастополь, 2009.
- Пименова М.Вл. 2007 – М.Вл. Пименова. Концепт *сердце*: Образ. Понятие. Символ. Кемерово, 2007.
- Плоткин, Гросул 1982 – В.Я. Плоткин, Л.Я. Гросул. Широкозначность как лексико-грамматическая категория // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях. Кишинев, 1982.
- Плунгян, Рахилина 2000 – В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. По поводу «локалистской» концепции значения: предлог *под* // Исследования по семантике предлогов. М., 2000.
- Поливанов 1934 – Е.Д. Поливанов. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1934.
- Попова, Стернин 2007 – З.Д. Попова, И.А. Стернин. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007.
- Потебня 1899/1968 – А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3.
- Потебня 1914 – А.А. Потебня. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914.
- Радутная 1988 – О.А. Радутная. Пространственно-временной синкретизм и его выражение в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.
- Рахилина 2000 – Е.В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Ребер 2000 – А. Ребер. Большой толковый психологический словарь: В 2 т. М., 2000. Т. 2.
- Савицкий 2006 – В.М. Савицкий. Основы общей теории идиоматики. М., 2006.
- Скляревская 2004 – Г.Н. Скляревская. Метафора в системе языка. 2-е изд. СПб., 2004.
- Смирнова 1976 – О.И. Смирнова. Проблема энантиосемии в исторической лексикологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
- Степанов 1995 – Ю.С. Степанов. «Слова». «Понятия». «Вещи». К новому синтезу в науке о культуре // Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
- Степанов 1997 – Ю.С. Степанов. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Тарланов 2005 – З.К. Тарланов. Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск, 2005.
- Телия 1986 – В.Н. Телия. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
- Толстой 1966 – Н.И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // ВЯ. 1966. № 5.
- Трубачев 1976 – О.Н. Трубачев. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Трубачев 2003 – О.Н. Трубачев. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. 2-е изд. М., 2003.

- Ульманн 1970 – С. Ульманн. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970.
- Урысон 1997 – Е.В. Урысон. Несостоявшаяся полисемия (типы толкований с союзом 'или') // Облик слова: Сб. статей памяти Д.Н. Шмелева. М., 1997.
- Урысон 2003 – Е.В. Урысон. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М., 2003.
- Феоктистова 1984 – Н.В. Феоктистова. Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). Л., 1984.
- Филипенко 2000 – М.В. Филипенко. Проблемы описания предлогов в современном русском языке // Исследования по семантике предлогов. М., 2000.
- Фортунатов 1891–92/1956 – Ф.Ф. Фортунатов. Сравнительное языковедение. Общий курс // Ф.Ф. Фортунатов. Избранные труды. М., 1956.
- ФСРЯ 1987 – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1987.
- Фурашов 1974 – В.И. Фурашов. Проблема второстепенных членов предложения и синтаксическая парадигматика // ВЯ. 1974. № 3.
- Фурашов 1984 – В.И. Фурашов. Несогласованные определения в современном русском языке. М., 1984.
- Фурашов 2004 – В.И. Фурашов. О синкретизме и смежных явлениях // Грамматические категории и единицы. Владимир, 2004.
- Химик 2004 – В.В. Химик. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
- Чернейко 1997 – Л.О. Чернейко. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Чесноков 1967 – П.В. Чесноков. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., 1967.
- Чесноков 2001 – П.В. Чесноков. Явление синкретизма в русском языке // Проблемы лингвистической семантики. Вып. 2. Череповец, 2001.
- Чесноков 2007 – П.В. Чесноков. Существует ли нулевой знак? // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир, 2007.
- Чеснокова 1996 – Л.Д. Чеснокова. Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах. Таганрог, 1996.
- Чинчлей 1975 – Г.С. Чинчлей. Соотношение минимальных значимых единиц языковой структуры (морфема, монема, темема). Кишинев, 1975.
- Шанский 1972 – Н.М. Шанский. Лексикология современного русского языка. М., 1972.
- Шаховский 1987 – В.И. Шаховский. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
- Шмелев 1964 – Д.Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- Шмелев 1973 – Д.Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.
- Шмелев 1977 – Д.Н. Шмелев. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
- Щерба 1957 – Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- ЭССЯ – Этимологический словарь русского языка: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 12. М., 1985.
- Якубинский 1953 – Л.П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953.
- Baerman et al. 2005 – M. Baerman, D. Brown, G.G. Corbett. The syntax-morphology interface. A study of syncretism. Cambridge, 2005.
- Baerman et al. 2007 – M. Baerman, G.G. Corbett, D. Brown, A. Hippisley (eds.). Deponency and morphological mismatches. Oxford, 2007.
- Bally 1932/1955 – Ch. Bally. Linguistique générale et linguistique française. Paris, 1932 (Русский перевод: Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.)
- Benveniste 1966/2010 – E. Benveniste. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966 (Русский перевод: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 2010.)
- Hjelmslev 1943/1960 – L. Hjelmslev. Omkring sprogteoriens grundlæggelse. København, 1943. (Русский перевод: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.)
- Hjelmslev 1958/1962 – L. Hjelmslev. Dans quelle mesure les significations des mots peuvent-elles être considérées comme formant une structure? // Proceedings of the Eighth international congress of linguists. Oslo, 1958. (Русский перевод: Л. Ельмслев. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.)

- Jakobson 1936/1985 – *R. Jakobson*. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der russischen Kasus // Travaux du Cercle linguistique de Prague (TCLP). VI. Praha, 1936. (Русский перевод: *Р. Якобсон*. К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа // *Р. Якобсон*. Избранные работы. М., 1985.)
- Jakobson 1939/1985 – *R. Jakobson*. Signe zéro // Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally. Genève, 1939. (Русский перевод: *Р. Якобсон*. Нулевой знак // *Р. Якобсон*. Избранные работы. М., 1985.)
- Jespersen 1924/1958 – *O. Jespersen*. The philosophy of grammar. Copenhagen, 1924. (Русский перевод: *О. Есперсен*. Философия грамматики. М., 1958.)
- Karcevskij 1929/1965 – *S. Karcevskij*. Du dualisme asymétrique du signe linguistique // TCLP. I. Praha, 1929. (Русский перевод: *С.О. Карцевский*. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // *В.А. Звегинцев*. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.)
- Mahmoudian 1982/1985 – *M. Mahmoudian*. La linguistique. Paris, 1982. (Русский перевод: *М. Мамудян*. Лингвистика. М., 1985.)
- Martinet 1968/1969 – *A. Martinet*. Neutralisation et syncrétisme // La linguistique: Revue internationale de linguistique générale. 1968. № 1. (Русский перевод: *А. Мартине*. Нейтрализация и синкретизм // *ВЯ*. 1969. № 2.)
- Müller et al. 2004 – *G. Müller, L. Gunkel, G. Zifonun* (eds.). Explorations in nominal inflection. Berlin, 2004.
- Saussure 1931/1977 – *F. de Saussure*. Cours de linguistique générale. 3-e éd. Paris, 1931. (Русский перевод: *Ф. де Соссюр*. Курс общей лингвистики // *Ф. де Соссюр*. Труды по языкознанию. М., 1977.)
- Skalička 1935/1967 – *V. Skalička*. Asymetrický dualismus jazykových jednotek // Naše řeč. XIX. Praha, 1935. (Русский перевод: *В. Скаличка*. Асимметричный дуализм языковых единиц // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.)
- Stump 2001 – *G.T. Stump*. Inflectional morphology. A theory of paradigm structure. Cambridge, 2001.
- Trubetzkoy 1937/1987 – *N.S. Trubetzkoy*. Gedanken über die slovakische Deklination // Sborník Matice Slovenské. XV. Praha, 1937. (Русский перевод: *Н.С. Трубецкой*. Мысли о словацком склонении // *Н.С. Трубецкой*. Избранные труды по филологии. М., 1987.)

Сведения об авторе:

Марина Васильевна Пименова
Владимирский государственный
гуманитарный университет
pimenova-vgpu@yandex.ru